

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского*

Зональная научная библиотека имени В. А. Артисевич

представляют виртуальную выставку-обзор

***К 105-летию со дня образования юридического факультета
Саратовского государственного университета
Часть 1. 1917 – 1931***

***Саратов
2022***

Судьба юридического факультета как структурного подразделения Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского была нелегкой с момента его зарождения. Предполагаемое его открытие в 1909 г. не состоялось не только по финансовым, но и по политическим мотивам при очевидной потребности империи в квалифицированных специалистах. Лишь решением Временного правительства после свержения монархии 1 июля 1917 г. в Саратовском государственном университете наряду с другими факультетами был открыт юридический факультет. К осени он был укомплектован квалифицированными кадрами, приглашенными из Московского государственного университета и других вузов.

На факультете работали видные специалисты права: историю русского права преподавал один из основоположников истории государства и права профессор С. В. Юшков; известный специалист в области истории правовых и политических учений профессор С. Ф. Кечекьян возглавил кафедру философии права; профессор М. М. Агарков, труды которого в области частного права изучаются студентами и в настоящее время, читал лекции на кафедре гражданского права.

В 1917 – 1918 гг. на факультете было 12 кафедр. Первый же приём на юридический факультет составил 428 человек. Трудности в становлении юридического факультета продолжались и в первые годы советской власти.

В 1920 г. к юридическому факультету было присоединено историческое отделение, и факультет стал называться правовым, а через некоторое время переименован в факультет общественных наук.

В 1922 г. факультет общественных наук вновь реорганизовали, выделив словесно-историческое отделение и оставив лишь правовое отделение, к которому в 1923 г. присоединили экономическое отделение.

В 1924 г. факультет общественных наук вновь был преобразован и стал называться факультетом хозяйства и права, а затем в соответствии с положением Совнаркома от 8 августа 1924 г. был закрыт в связи с сокращением вузов.

***Серафим
Владимирович
Юшков
(1888 - 1952)***

***Степан Фёдорович
Кечекьян
(1890 - 1967)***

***Михаил
Михайлович
Агарков
(1890 - 1947)***

Такая чехарда преобразований юридического факультета университета соответствовала отношению советского правительства к ученым, интеллигенции в целом, а к юристам в частности, выразившемуся в словах В. И. Ленина, что юристы – «самые реакционные люди». Мероприятия по ликвидации факультета хозяйства и права продолжались вплоть до 1925 г. Затем последовало постановление Совнаркома о восстановлении его в университете. Факультет хозяйства и права возглавил и стал его деканом профессор С. З. Каценбоген, заместителем декана – профессор Е. И. Шлифштейн (1882 – 1949). В рамках факультета были образованы 2 предметных комиссии: правовая и экономическая.

В 1925 г. на правовом отделении факультета 9 профессоров, 19 преподавателей и ассистентов, 6 научных сотрудников, а также сверх штата 7 преподавателей и ассистентов, 4 научных сотрудника, труд которых фактически не оплачивался. Должности профессоров на факультете замещали: по административному праву – профессор П. И. Алексеев, по уголовному праву – доцент В. С. Ундревич, по трудовому праву, советской конституции и теории права – доцент Ф. Д. Корнилов, по дисциплине «Государственное право СССР» – преподаватель Н. Н. Фиолетов.

**Соломон Захарович
Каценбоген
(1889 - 1946)**

**Николай
Николаевич
Фиолетов
(1891 - 1943)**

**Павел
Иванович
Алексеев
(1889 - 1942)**

**Вацлав
Станиславович
Ундревич
(1895 - 1937)**

**Фёдор
Дмитриевич
Корнилов
(1894 - 1937)**

**Дмитрий
Александрович
Рамзаев
(1894 - 1969)**

В 1925 г. представители профессорско-преподавательского состава были направлены в командировки в научных целях в различные государственные и научные учреждения страны. Научные командировки позволяли глубже изучить практику государственного строительства Советской России и складывающейся в тот период советской системы. Это позволяло творчески проводить семинарские (практические) занятия, ориентировать студентов готовить курсовые, дипломные работы на основе изученных материалов практики административных, государственных, хозяйственных органов, побуждать у студентов необходимость прохождения практики в этих учреждениях. Тем не менее лишь 42% студентов на факультете полностью сдали все зачеты и экзамены в 1925/26 учебном году и могли быть переведены на следующий курс.

В 1925 г. правовое отделение факультета состояло из кафедры исторического материализма в составе профессора С. З. Каценбогена, ассистента Н. М. Мирошиной и сотрудника А. Н. Климова; кафедры истории права – профессора С. В. Юшкова, старшего ассистента П. А. Аргунова; кафедры административного права – профессора П. Н. Алексеева; кафедры уголовного процесса – доцента В. С. Ундревича, ассистента Д. А. Рамзаева; кафедры гражданского права – профессора И. К. Кузьмина, ассистента К. И. Векессера, ассистента Н. Б. Зейдера; кафедры международного права и трудового права – профессора Н. Н. Кравченко (1880 - 1955); кафедры торгово-промышленного права – доцента Л. Я. Гинцбурга (1901 - 1976); курс теории права и государственного права читали доцент Ф. Д. Корнилов, ассистент А. И. Панферов и сотрудник Г. А. Филин. 8 июля 1927 г. Г. Ю. Маннс был избран профессором по кафедре уголовного права факультета права и хозяйства Саратовского университета.

В 1929 г. факультет хозяйства и права был разделен на два самостоятельных структурных подразделения университета: экономический факультет и факультет советского строительства и права. 20 апреля 1931 г. было принято постановление ВЦИК РСФСР «О мероприятиях по подготовке и переподготовке кадров работников советского строительства». В соответствии с этим постановлением факультет был преобразован в самостоятельный вуз – Саратовский институт советского права, существующий и поныне как ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».

**Герберт Юлианович
Маннс
(1884 - 1938)**

**Николай Борисович
Зейдер
(1901 - 1967)**

Далее в алфавитном порядке представлены имеющиеся в фонде ЗНБ СГУ работы учёных первого этапа становления юридического факультета Саратовского университета.

М. М. АГАРКОВ

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО
ПО
СОВЕТСКОМУ
ГРАЖДАНСКОМУ
ПРАВУЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ СССР
МОСКВА — 1940

51827

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ НКФ СССР
ТРУДЫ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ СЕКЦИИ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. М. М. АГАРКОВА и ПРОФ. В. Ю. ВОЛЬФА

Проф. М. М. АГАРКОВ

УЧЕНИЕ
О ЦЕННЫХ БУМАГАХФИНАНСОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКФ СССР
МОСКВА 1927

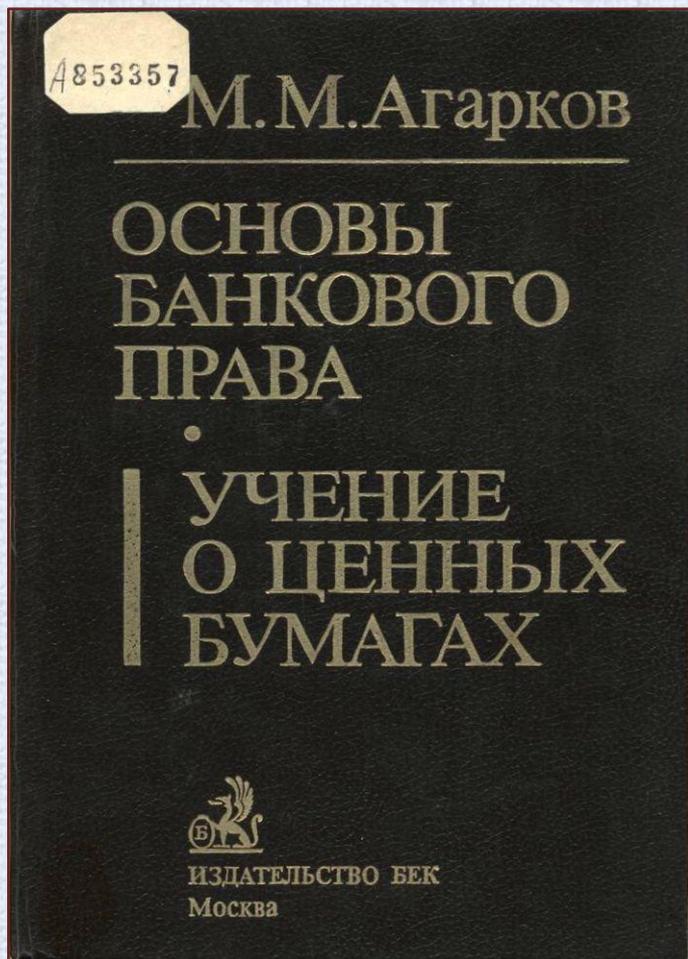
13200

320137

Агарков, М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву / М. М. Агарков. — Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. — 190, [2] с. — (Учёные труды Всесоюзного Института юридических наук НКЮ СССР ; вып. 3). — Текст : непосредственный.

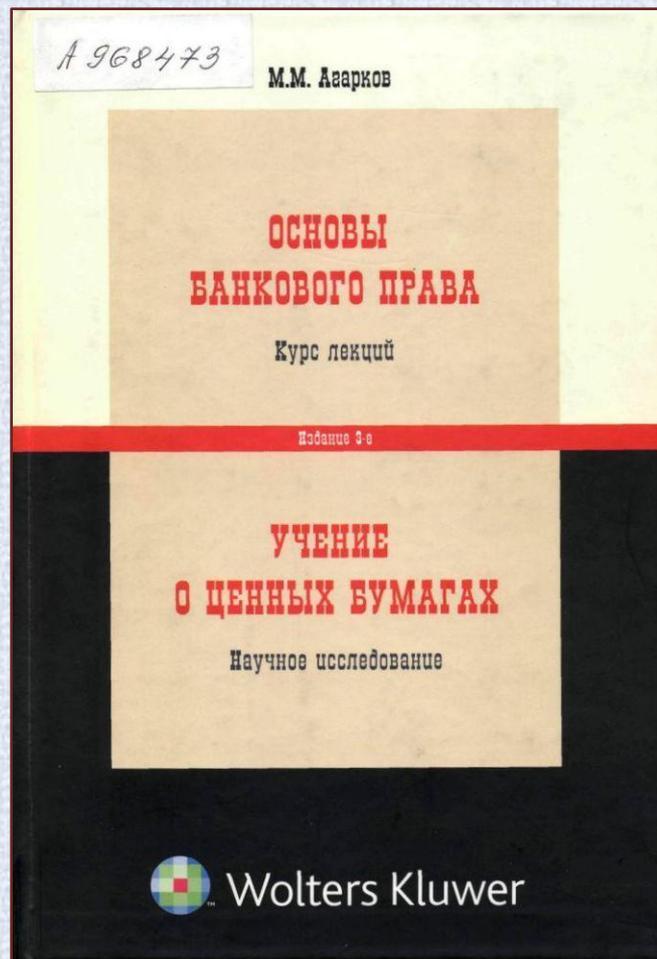
51827

Агарков, М. М. Учение о ценных бумагах / М. М. Агарков. — Москва : Финансовое издательство НКФ СССР, 1927. — 165, [3] с. — (Труды финансово-правовой секции Института экономических исследований при НКФ СССР / под редакцией М. М. Агаркова и В. Ю. Вольфа). — Текст : непосредственный.

A853357

Агарков, М. М. Основы банковского права : курс лекций ; Учение о ценных бумагах : научное исследование / М. М. Агарков. – 2-е издание. – Москва : БЕК, 1994. – 349, [1] с. – ISBN 5-85639-100-4. – ISBN 3-40639-119-2. – Текст : непосредственный.

A968473

Агарков, М. М. Основы банковского права : курс лекций ; Учение о ценных бумагах : научное исследование / М. М. Агарков. – 3-е издание, стереотипное. – Москва : Волтерс Крувер, 2005. – 327, [3] с. – ISBN 5-466-00147-3. – Текст : непосредственный.

Союз Республик.

Юридический эскиз.

Юридическое рассмотрение строя Союза Советских Социалистических Республик таит в себе две методологические опасности. Первая состояла бы в попытке целиком подвести новое государственное образование под один из «установившихся» типов, какие мы имеем в государствах Западной Европы или Америки. Другую было бы стремление построить такое юридическое изложение, в котором Союз ССР представлялся бы вполне своеобразным явлением. Обе крайности, думаем мы, затмили бы правильное понимание юридической сущности данного строя. Как мы намерены показать в дальнейшем, черты подобия между новым государственным строем и иностранными государствами имеются; наряду с этим, надлежит разобрать черты самобытности его. Элементы подобия имеются, как увидим,—ибо существует ряд приемов и схем *техники* государственной жизни, выработанных долготеленой практикой многих стран, которыми невозможно было бы не воспользоваться, поскольку они вызваны к жизни аналогичными техническими причинами. Одна—и важнейшая—причина указана была недавно Г. В. Чичериним: «Точно так же как и Америка вначале состояла из отдельных государств, связанных друг с другом союзом, который постепенно превратился в единое могущественное союзное государство, точно так же наши республики создали теперь единый центр для общесоюзных функций...» (из речи на торжественном вечере, организованном Совнаркомом в ознаменование окончания деятельности АРР в России.—Известия ЦИК 20 VII 1923). Основная же самобытность социально-политического уклада, провозглашенного в декларации Января 1918 г., подтвержденная 6 Июля 1923 г., сохраняется при этом все свое принципиальное значение. Но наряду с этим есть и в технической стороне нового союзного строя ряд особенностей, также заслуживающих быть отмеченными.—Основной предмет нашего внимания в настоящем эскизе состоит в союзном, федеральном характере нового государственного образования.

1.

«В первые дни революции преобладало стремление к освобождению от государственности—каждый уезд сам хотел быть государством...»—Этими меткими словами определил недавно М. И. Калинин (в ответе на анкету «Известий»—см. № 1737 от 31 XII 1922) то умонастроение, которое почти господствовало у нас в конце 1917 и начале 1918 г. Теперь ясно для всех, что эта пора миновала. Но ясны и причины такого «центробежного» характера массовых переживаний ранней нашей революционной эпохи. Кроме свойственного всякой революции стремления недооценивать значение всякой государственной власти вообще, здесь были причины более специального характера. Это свойственный всей истории нашей монархической эпохи *центра-*

Британская Имперская Конференция.

(The British Imperial Conference, 1926).

П. И. Алексеев.

С 19 октября по 23 ноября 1926 г. заседала в Лондоне Британская Имперская Конференция из представителей правительств собственно-Англии, британских «Доминионов»—самоуправляющихся колоний, раскинутых по четырем частям света,—и Индии.

То, что именуют Британскою Империей, представляет собою сложнейший и обширнейший конгломерат народов и земель, с общим количеством населения свыше 450.000.000, и общию площадью около 38.000.000 кв. километров. Собственно в Англию обитает лишь около десятой доли всего населения империи.—«Доминионами» называются шесть частей ее, кроме самой Англии (и кроме Шотландии и Северной Ирландии),—обладающих парламентарным строем, т. е. системой министерств, ответственных перед местными учреждениями народного представительства. Таковыми являются:

- 1) Канада, с населением ок. 9.000.000, наиболее крупный из доминионов, и притом ранее всех других добившийся парламентарной конституции (1867 г.), почему всегда обозначается на первом месте в ряду доминионов во всех официальных актах;
- 2) Австралия, с населением ок. 6.000.000;
- 3) Новая Зеландия, с населением немногим более 1.000.000;
- 4) Южно-Африканский Союз, новейшее в ряду доминионов приобретение британского империализма,—созданный на основе завоеванных в 1900 г. бурских республик Трансваля и Оранжевой, с присоединением колоний Кап и Наталь, получивший в 1909 г. конституцию федерального и парламентарного типа. Население всего Союза ок. 7.000.000;
- 5) Ирландское Свободное Государство.—до последних лет нераздельная часть «Соединенного королевства Великобритания и Ирландии», достигшее, после ряда десятилетий тяжелой и подчас кровавой борьбы, почти полной государственной самостоятельности на основе соглашения с Лондоном в декабре 1922 г. Население ок. 3.500.000 чел.;
- 6) Нью-Фаундленд, насел. ок. 250.000 чел.

Индия стоит на особом положении. Хотя с 1919 г. введены в ней представительные учреждения; но с одной стороны, правительственная власть не является ответственною перед ними, а деятельность ее направляется из Лондона. С другой же стороны, в значительных частях Индии сохранился донные феодальный строй. Поэтому Индия к доминионам не причисляется. Но огромный и все растущий экономический и политический удельный вес этой части Британской империи заставляет Лондонское правительство сильно считаться с ее политическими настроениями, и поэтому на трех последних сессиях Имперской конференции Индия была представлена—правда, в соответствии с вышеупомянутыми особенностями ее положения, представлена Лон-

Уч. зап. Сар. Ун-та. Фак. Права и Хозяйства, Том VI, Вып. IV.

3

Алексеев, П. Союз Республик : юридический эскиз / П. Алексеев. — Текст : непосредственный // Учёные записки государственного Саратовского имени Н. Г. Чернышевского университета. — 1923.— Том 1 (по продолж. Том 10 «Известий С. У.»), вып. 4 : правовое отделение факультета общественных наук. — С. 83-96.

Алексеев, П. И. Британская Имперская Конференция = (The British Imperial Conference, 1926) / П. И. Алексеев. — Текст : непосредственный // Учёные записки Саратовского государственного имени Н. Г. Чернышевского университета. — 1927. — Том 6 (по продолж. Том 14 «Известий Сар. Ун.»), вып. 4 : Факультет права и хозяйства. — С. 33-58.

Пересмотру построений закупничества Русской Правды.

Аргунов П. А.

О возобновлении работ над Русской Правдой.

Для работающих в области древней русской истории, истории права и истории права, надо думать, не пройдет неотмеченной приближающаяся юбилейная дата крупного масштаба: 200-летие „открытия“ Русской Правды Татищевым, который в 1738 году представил о ней свой труд Академии Наук.

Ознаменовать это событие в исторической литературе, не только общеславянской, но и мировой, нельзя лучше, как возобновлением работы по научному изданию текста памятника, начатой еще в 40-х гг. прошлого века Н. В. Калачовым и вновь проектированной 20 лет назад, но не осуществившейся за смертью Н. П. Павлова-Сильванского.

Вместе с тем снова ставится на очередь всестороннее изучение памятника — филологический анализ его текста, изучение выявленных Русской Правдой юридических институтов, в связи с экономическими и социальными изменениями ее эпохи, а методологическая критика, в частности в отношении применения сравнительно-исторического метода.

В этой большой и кропотливой работе не приходится в наше время пренебрегать даже самыми скромными усилиями и достижениями, — вот почему я и решился опубликовать эти беглые заметки, являющиеся, впрочем, одним из участков задуманного мною плана работы. Как работа в одиночку, исполняемая при неблагоприятных условиях в смысле источников и литературы, а главное — досуга, — она не замедлит обнаружить свои недостатки перед самой добросовестной критикой; но, зная это, автор хотел бы найти некоторое оправдание себе в надежде, которая крепла у него по мере развития темы, что его критическое отношение к установившимся построениям закупничества Р. П. заронит в комнибудь сомнение в их беспорядности и хотя немного облегчит новое построение этого интересного института, в большем соответствии с текстом памятника и требованиями методологии.

§ 1. „Купа“ и „копа“.

Общезвестные в исторической литературе споры около закупничества Русской Правды в значительной степени питались разногласием в толковании термина „купа“, встречающегося в некоторых списках Р. П. Всегда останавливались при этом на фразе о взимании „купы“ (74 Троиц. по изд. Сергеевича):

Но оже дал ему господин плуг и борону, от него же купу емлеть, то то погубивше платити.

Второй случай употребления этого термина в ст. 78 Троиц.:

А же господин переобидеть (приобидеть) закупа, а увидить (увередить) купу (цену) его или

Крестьянин и землевладелец в эпоху Псковской Судной Грамоты.

(К истории сеньерьяльных отношений на Руси).

П. А. Аргунов.

I.

Об изучении Псковской Судной Грамоты.

В изучении П. С. Грамоты, несмотря на наличие нескольких специальных работ, нельзя не заметить некоторой заброшенности. Лет 60—70 тому назад, правда, этот замечательный памятник принят было изучать внимательно, как свидетельствуют о том работы Энгельмана, Устрялова, Чичерина, частью Добверна, но потом, кроме комментария Христомати Владимирского-Буданова, не было специальных работ о П. С. Грамоте, кажется, вплоть до кануна мировой войны в 1914 году, когда появилось издание памятника Археологической Комиссии. Этим как бы дан был сигнал, что настала пора пересмотра накопившегося и частью, конечно, устаревшего комментаторского материала, и что пора взглянуть на подлинный текст П. С. Грамоты новыми глазами, соответственно уровню современного исторического знания. И действительно, с тех пор в печати появились уже три работы, две из которых посвящены нашему памятнику специально, а именно книга П. Е. Михайлова „Юридическая природа землепользования по П. С. Грамоте“, ¹⁾ статья М. М. Богословского „Крестьянская аренда в П. С. Грамоте“ ²⁾ и статья П. И. Беляева „Древнерусская сеньерья и крестьянское закрепощение“ ³⁾.

Все эти работы исследуют П. С. Грамоту лишь в очень небольшой ее части, касающейся отношений между землевладельцем и пользующимся его угодиями крестьянином, и при всей „ограниченности“ темы трактовка ее у упомянутых исследователей обнаруживает, что до сих пор не достигнуто простого согласия в понимании важнейших мест П. С. Грамоты, а потому и юридическая природа исследуемых отношений остается невыясненной и спорной.

Основную причину такой неудачи вижу всетаки в недостатке внимания к памятнику со стороны историков-юристов, в заброшенности его изучения. В результате ее, во-первых, недостаточно изучен язык П. С. Грамоты, в некоторых местах исключительно-оригинальный; во-вторых, не разработана внешняя история памятника, особенно со стороны его разносоставности и возможной текучести во времени вываемых им правоотношений и юридических институтов: в-третьих, —

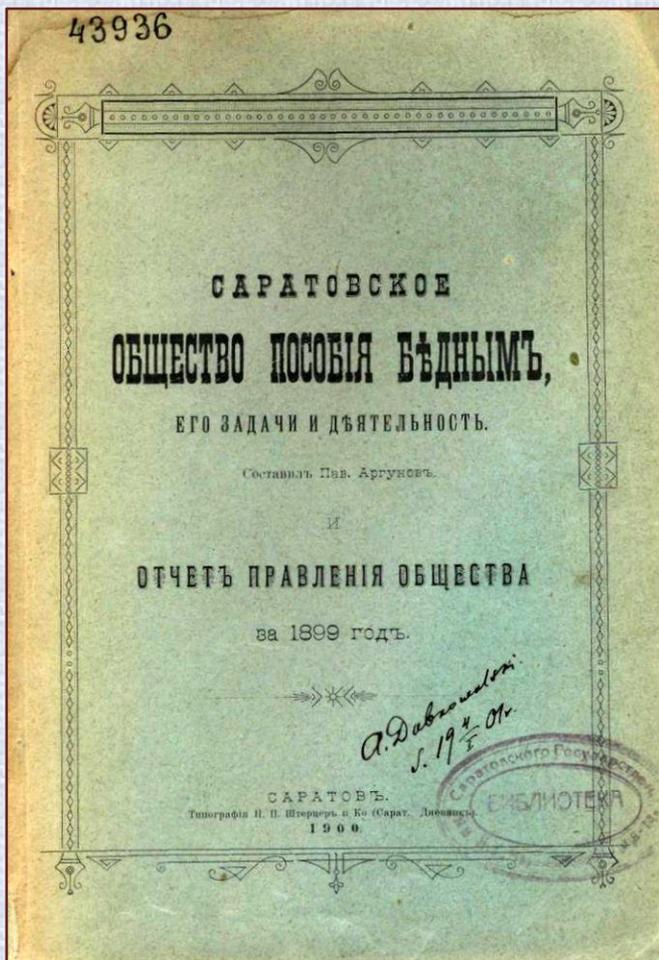
¹⁾ Отдельный оттиск из Летописи занятий Археологической Комиссии СПб 1914 г.

²⁾ „Исторические Известия“, изд. Ист. Обществ. при М. Ун., М. 1917, № 2 стр. 3—46.

³⁾ Журнал Мин. Юстиции, 1916, Октябрь и Ноябрь.

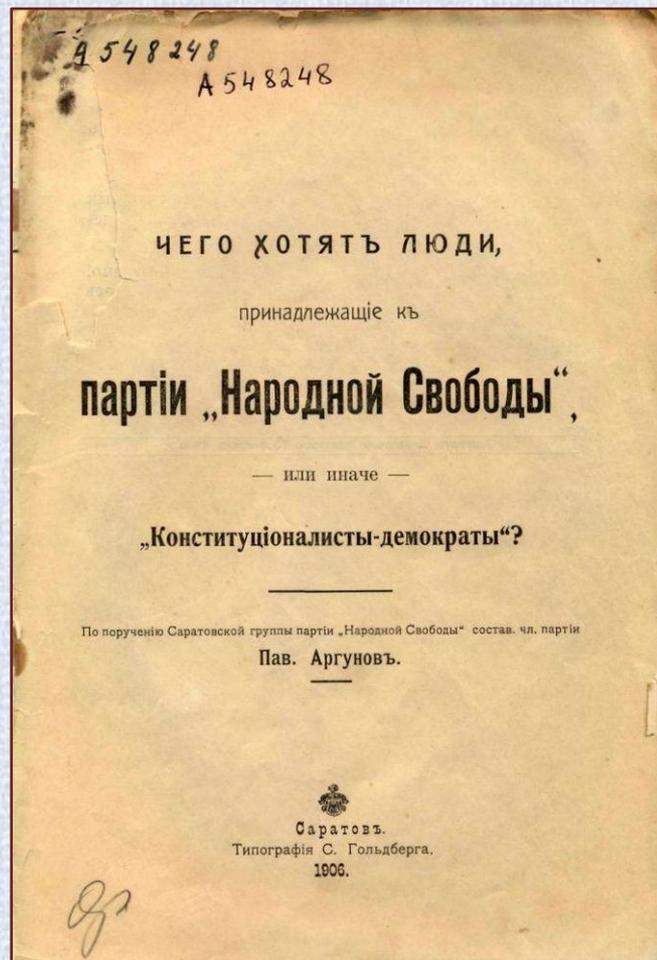
Аргунов, П. А. К пересмотру построений закупничества Русской Правды / П. А. Аргунов. — Текст : непосредственный // Ученые записки Саратовского государственного имени Н. Г. Чернышевского университета. — 1927. — Том 6 (по продолж. Том 14 «Известий Сар. Ун.»), вып. 4 : факультет права и хозяйства. — С. 59-96.

Аргунов, П. А. Крестьянин и землевладелец в эпоху Псковской Судной Грамоты : (к истории сеньерьяльных отношений на Руси) / П. А. Аргунов. — Текст : непосредственный // Ученые записки Саратовского государственного имени Н. Г. Чернышевского университета. — 1925. — Том 4 (по продолж. Том 13 «Известий Сар. Ун.»), вып. 4 : факультет хозяйства и права. — С. 90-130.

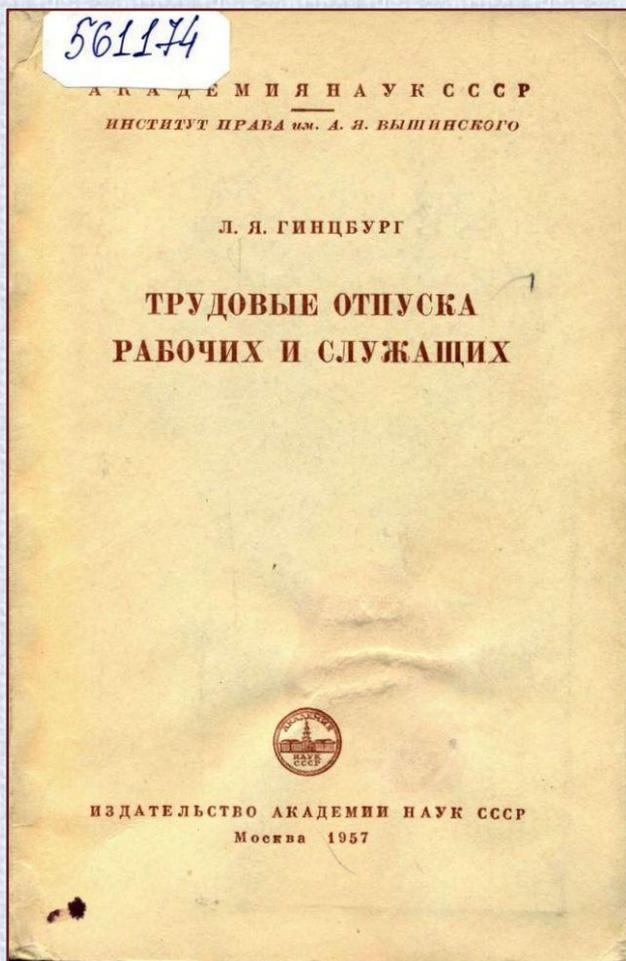
43936

Аргунов, П. Саратовское Общество пособия бедным, его задачи и деятельность ; Отчёт Правления Общества за 1899 год / составил Пав. Аргунов. – Саратов : Типография Н. П. Штерцер и К^о («Саратовский Дневник»), 1900. – 112 с. + [1] вкл. л. табл. – Текст : непосредственный.

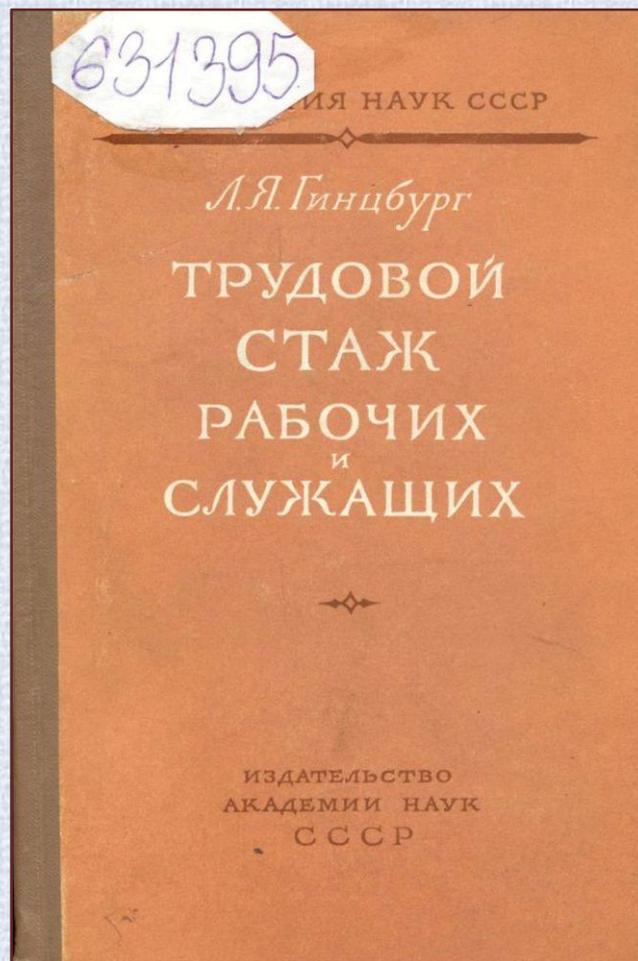
A548248

Аргунов, П. Чего хотят люди, принадлежащие к партии «Народной Свободы», или иначе «Конституционалисты-демократы»? / по поручению Саратовской группы партии «Народной Свободы» составил Пав. Аргунов. – Саратов : Типография С. Гольдберга, 1906. – 15 с. – Текст : непосредственный.

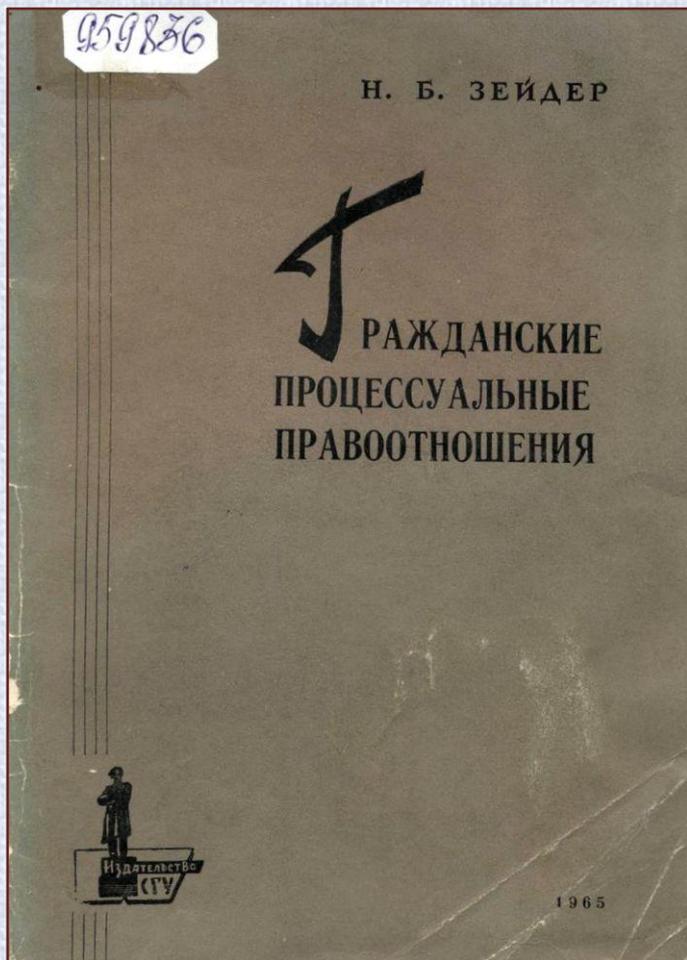
561174

Гинцбург, Л. Я. Трудовые отпуска рабочих и служащих / Л. Я. Гинцбург. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1957. – 129, [3] с. – Текст : непосредственный.

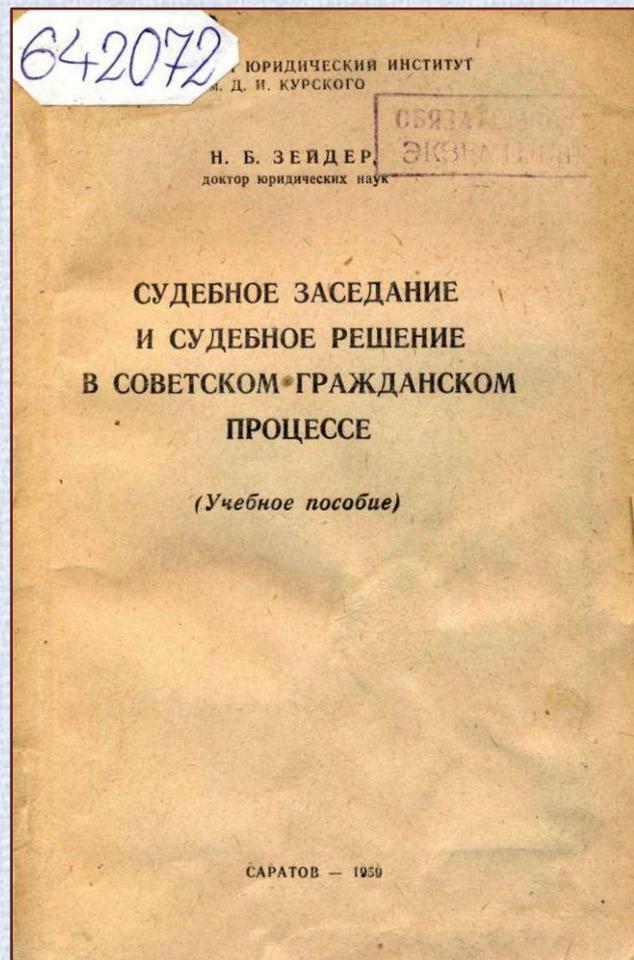
631395

Гинцбург, Л. Я. Трудовой стаж рабочих и служащих / Л. Я. Гинцбург. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1958. – 200, [4] с. – Текст : непосредственный.

959836

Зейдер, Н. Б. Гражданские процессуальные правоотношения / Н. Б. Зейдер. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1965. – 72, [2] с. – Текст : непосредственный.

642072

Зейдер, Н. Б. Судебное заседание и судебное решение в советском гражданском процессе : (учебное пособие) / Н. Б. Зейдер. – Саратов : Коммунист, 1959. – 96, [2] с. – Текст : непосредственный.

Марксизм и социология ¹⁾

Проф. С. З. Каценбоген.

ВВЕДЕНИЕ.

Нам надлежит в настоящей работе выяснить вопрос о месте, которое занимает в марксизме наука о законах общественного развития. Находится ли она в какой-либо логической связи с философией марксизма или же совершенно от нее независима? Каков объект, методы и задачи этой науки?

История философской и социологической мысли с древних времен и по наши дни характеризуется в основном борьбою двух течений—материалистического и идеалистического.¹

Материалистическая философия в античный период была представлена создателями научной атомистики—Демокритом, Эпикуром и поэтом—Титом Лукрецием Каром.

В средние века в борьбу с религиозным обскурантизмом реалистов вступили номиналисты.

Эпоха развития торгового капитализма в Англии выдвинула родоначальников материалистической психологии, творцов теории сенсуализма, Локка и Гоббса.

Дальнейшими вехами в истории материализма являются имена Бэкона, Спинозы, Гассенди, Дидро, Ля-Метри, Гольбаха, Гельвеция, Фейербаха и, наконец, Маркса и Энгельса.

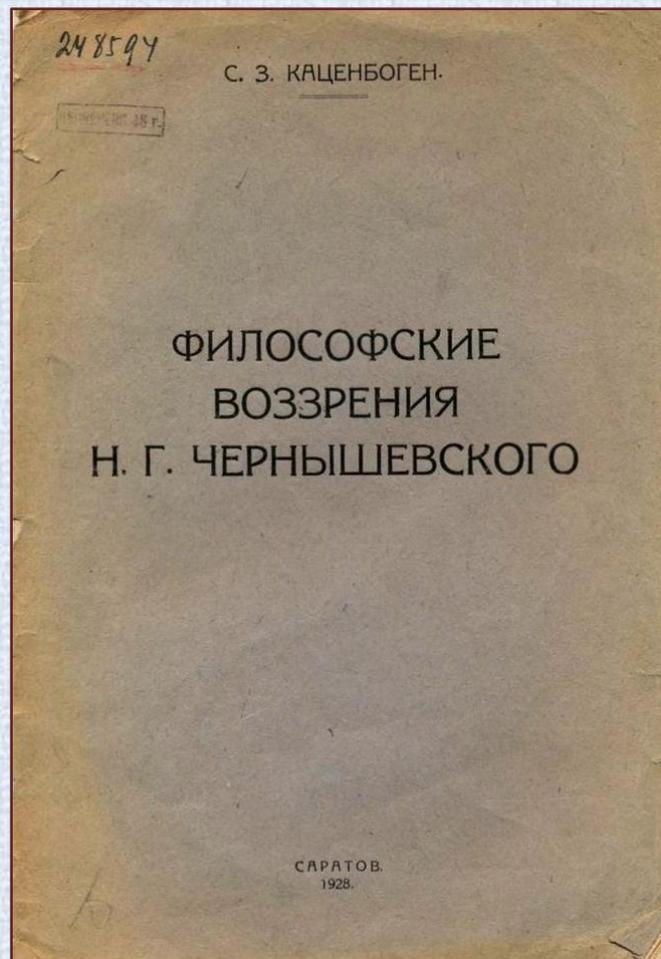
Эти различные течения материалистической мысли признают лишь одну, независимую от нашего сознания, объективную реальность—материю. Источником же нашего познания материалисты считают опыт, ощущения, чувственные восприятия, подлежащие дальнейшей рациональной, методологической обработке.

Основным дефектом материалистической мысли, до Фейербаха включительно, был присущий ей метафизический взгляд на природу и общество. Вследствие этого явления мира не рассматривались в их единстве, всеобщей обусловленности и непрерывном движении, а разрозненно в застывшем, статическом состоянии.

Поэтому мы и наблюдаем у французских материалистов и даже у Фейербаха глубокое противоречие в объяснении явлений природы и общества. Большой частью при объяснении социальных явлений они оставались идеалистами.

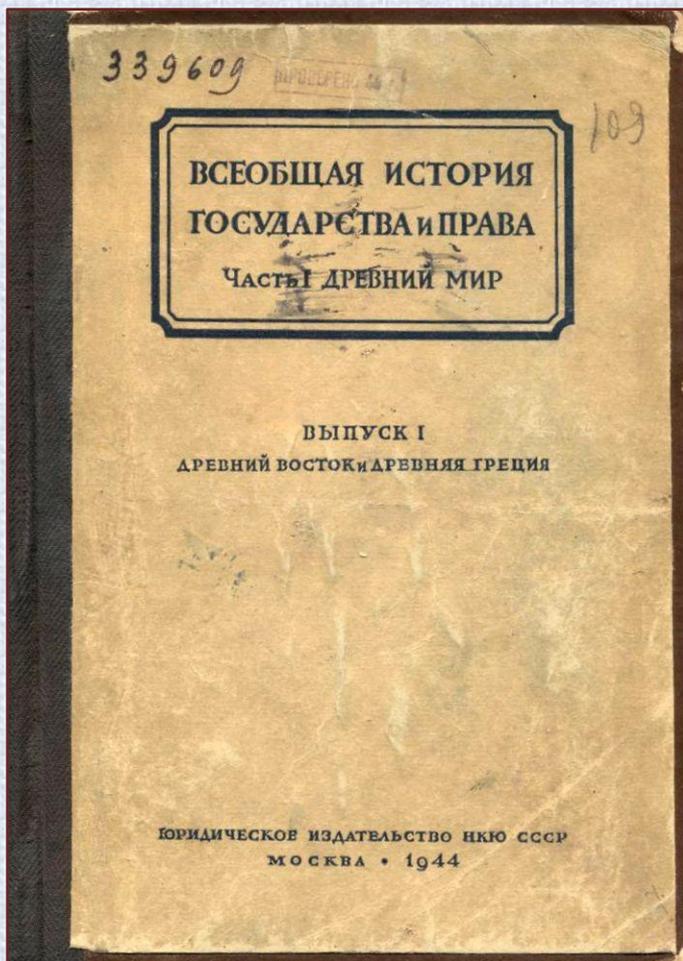
Другим полярным крылом в истории философии и социологии является—идеализм. Это мировоззрение имело также в различные эпохи своих блестящих представителей.

¹⁾ Основное содержание настоящей работы было доложено автором во вступительной лекции к курсу „Диалектического Материализма“ на открытом заседании Совета Факультета Права и Хозяйства Саратовского Университета 21/ХІ 1925 г.

Каценбоген, С. З. Марксизм и социология / С. З. Каценбоген. – Текст : непосредственный // Учёные записки Саратовского государственного имени Н. Г. Чернышевского университета. – 1926. – Том 5 (по продолж. Том 14 «Известий Сар. Ун.»), Вып. 3 : факультет хозяйства и права.– С. 181-231.

**248594
Каценбоген, С. З. Философские воззрения Н. Г. Чернышевского / С. З. Каценбоген. – Оттиск из сборника «Н. Г. Чернышевский» изд. Н.-Волжской юбилейной комиссии. – Саратов : Ниж. Волж. Крайлит, 1928. – 40 с. — Текст : непосредственный.**

339609

ПРОСФЕР, 44

109

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Часть I ДРЕВНИЙ МИР

ВЫПУСК I
ДРЕВНИЙ ВОСТОК И ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ СССР
МОСКВА • 1944

339609

Кечекьян, С. Ф. Всеобщая история государства и права. Часть 1. Древний мир. Выпуск 1. Древний Восток и Древняя Греция : учебник для юридических институтов / С. Ф. Кечекьян. – Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1944. – 215, [1] с. – Текст : непосредственный.

767970

~~767970~~

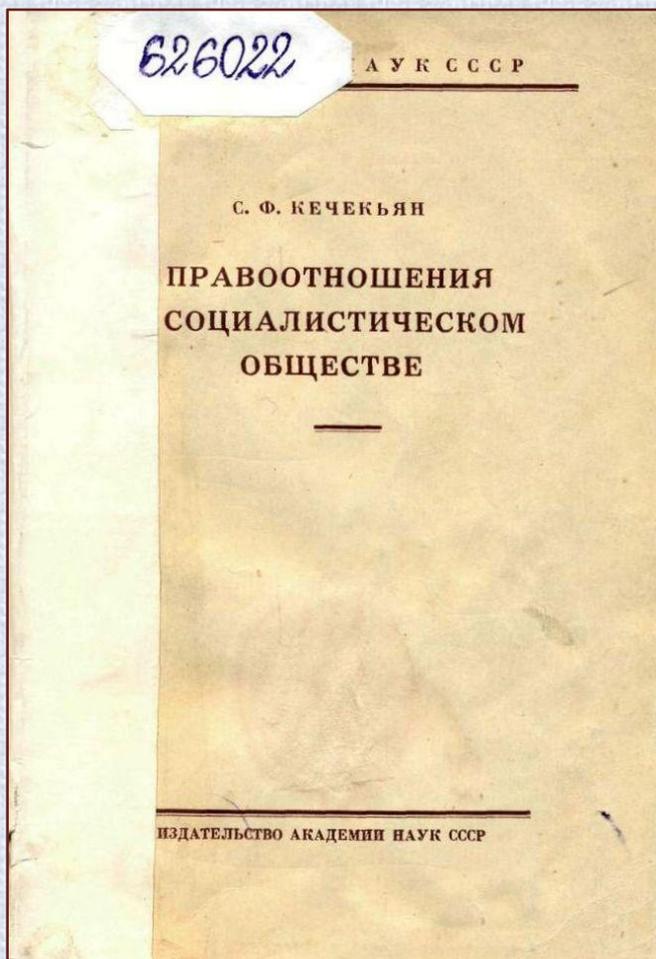
С.Ф. Кечекьян

ГОСУДАРСТВО
И ПРАВО
ДРЕВНЕЙ
ГРЕЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МГУ

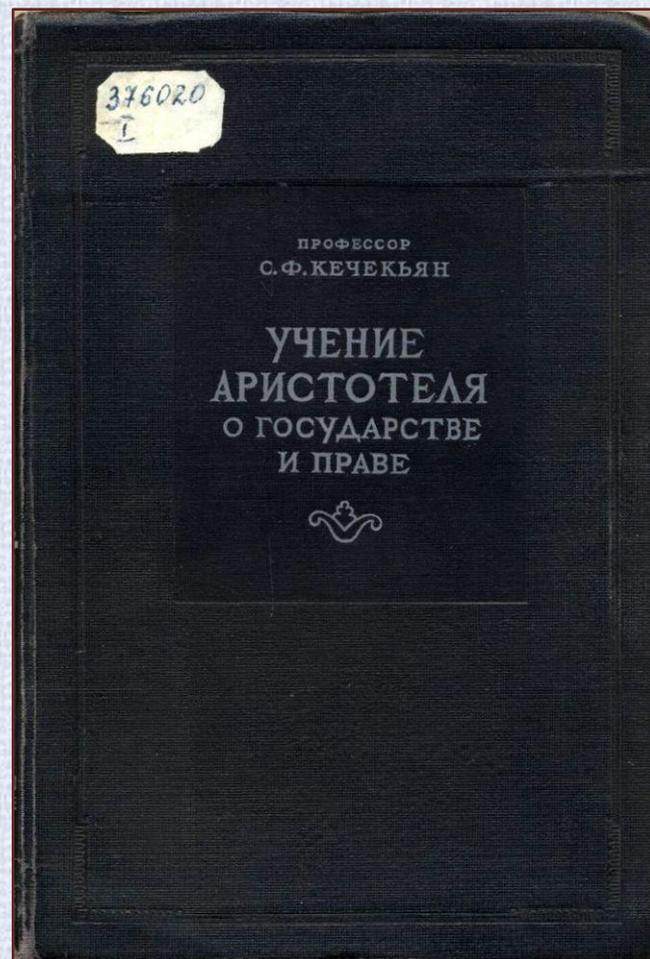
767970

Кечекьян, С. Ф. Государство и право Древней Греции / С. Ф. Кечекьян. – Москва : Издательство Московского университета, 1963. – 71, [1] с. – Текст : непосредственный.

626022

Кечекьян, С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / С. Ф. Кечекьян. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1958. – 186, [2] с. – Текст : непосредственный.

376020

Кечекьян, С. Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве / С. Ф. Кечекьян. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1947. – 220, [4] с. – Текст : непосредственный.

Брак, семья и советское законодательство.

Вопрос, захвативший за последнее время внимание не только законодательных учреждений, но и самые широкие слои населения, несомненно представляет для нас колоссальный интерес и значение его для работников и теории, и практики чрезвычайно велико. И, несомненно, вопрос этот настолько глубок, что решить его одному человеку, в пределах небольшой статьи было бы не только дерзкой, но совершенно непосильной попыткой. Поэтому мы не станем себе задавать скандал последнее слово по этому вопросу и наше стремление будет направлено лишь к тому, чтобы сделать попытку более правильной постановки его.

Как возник этот вопрос?

Едва ли многие из нас задумывались над ним до постановки его на второй сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII созыва в связи с внесенным НКЮ проектом Кодекса о браке, семье и опеке. И только после того, когда дискуссия на самой сессии приняла слишком широкие размеры и исключила возможность принятия законопроекта, тогда о нем заговорили во всех концах Республики. И вопрос стал достоянием не только специалистов и, так сказать, знатоков его, но и всех интересующихся вопросами общественных отношений вообще, да и не только интересующихся этими вопросами, но и всякий иной гражданин Советского Союза считает своим долгом поближе познакомиться с ним.

В чем же суть этого вопроса? К чему сводится разногласия, которые разделили всех занимающихся этим вопросом на два враждебные лагеря?

Много толкуют о регистрации браков и освобождении их от таковой и создается впечатление, что будто вся важность вопроса сводится к тому: следует ли обязать всех желающих иметь брачные отношения регистрироваться в установленном законом порядке или же освободить их от этой обязанности. Отсюда и в подобных случаях, упреждение. Заходит речь о законном и «свободном» браке. Последний именно становится притчей во языцех у представителей оппозиционной, проекту НКЮ, точки зрения. И вот от этого упреждения вопроса нам хотелось бы предостеречь всех занимающихся этим серьезным вопросом. К серьезным вопросам нужен серьезный подход.

Сказать, что всякий брак, совершенный не по указу закона—свободный, ведущий не только к разрушению семьи, но и к разврату, как многие пытались утверждать, почти на всех дискуссиях, значит не понимать серьезности и важности того, о чем говорится.

Отсюда и самая методическая постановка вопроса имеет для дела чрезвычайно ответственное значение.

Мы не можем при обсуждении вопроса о новом проекте кодекса ограничиваться лишь отсыланием его догматической, т. е. формально-юридической несостоятельности. Для достоянного и более верного уяснения себе вопроса необходим, хотя бы краткий социологический анализ его.

Корнилов, Ф. Д. Брак, семья и советское законодательство / Ф. Д. Корнилов. — Текст : непосредственный // Право и Суд : орган Саратовского научного юридического общества. — 1926. — № 1(4) : Март. — С. 9-19.

В защиту марксистского правопонимания.

Ф. Д. Корнилов.

Введение.

Последняя фаза капиталистического общества, вошедшая в историю развития общественных форм под именем финансового капитализма, характеризуется быстрым ростом концентрации производства и невероятным усилением империалистических тенденций, явившихся следствием этого процесса капиталистического роста. Этот процесс развития современной капиталистической системы естественным образом наложил особый отпечаток на все стороны общественной жизни, в особенности в сфере политических и правовых отношений. Во внешне-политических отношениях, этот процесс получает свое выражение в агрессивной политике правящих классов капиталистических стран и в неослабном росте империалистических противоречий, обрешших мир на прогрессивный рост вооружений, вызываемых постоянной угрозой войны. Во внутри-политических отношениях—усиление правительственной власти за счет законодательной, знаменующее собой кризис современного парламентаризма и буржуазной демократии с их идеями так наз. правового государства. В области правовой—определенно выраженные признаки несостоятельности господствующих теорий и самого буржуазного правопонимания, обусловленной развитием новых форм правовых отношений, порожденных, в свою очередь, развитием новых форм экономических отношений. Все это, усиленное влиянием войны и революционных движений, неизбежно вселяет растерянность в мыслиющие умы идеологов и теоретиков капитализма и толкает их на путь исканий-новых истин.

Развитие капиталистической системы общественных отношений, повидимому, достигло такой стадии, когда дальнейшее прогрессивное движение становится весьма затруднительным. Усиливающиеся революционные настроения рабочих масс, все настоятельнее обнаруживающие проявления живой революционной действительности, вопреки всем препятствиям, которые им ставят их профессиональные и политические лидеры—социалисты, порывающие всякую связь с социализмом, как только они попадают на скамьи депутатов парламента¹⁾—так же свидетельствует о том неблагоприятном, которое царит в капиталистическом мире. Кризис английской промышленности, усиленный продолжительной «черной ставкой»²⁾, резко подчеркивает непроточность современной капиталистической системы и вместе с другими проявлениями революционных тенденций обнаруживает неустойчивость социального равновесия.

Вместе с тем концентрация капитала, которой характеризуется эпоха финансового капитализма, обезличивает капиталиста, стирает

¹⁾ Гр. Витте рассказывает в своих воспоминаниях о том, как он после заключения портсмутского мира в беседе с президентом Французской республики выказал опасение от усиления социализма, на что Лубэ ответил ему: «Нет, это все пена! Как только социалисты входят в правительство, они постепенно перестают быть социалистами».

²⁾ Так называли Миллюковым английская забастовка углекопов.

Корнилов, Ф. Д. В защиту марксистского правопонимания / Ф. Д. Корнилов. — Текст : непосредственный // Ученые записки Саратовского государственного имени Н. Г. Чернышевского университета. — 1927. — Том 6 (по продолж. Том 14 «Известий Сар. Ун.»), вып. 4 : факультет права и хозяйства. — С. 97-139.

Нормативизм Ганса Кельзена и проблема суверенитета.

Ф. Корнилов.

Действительно верно, часто и многими повторяемая поговорка: «от великого до смешного—один шаг». Правда, австрийский ученый, профессор Венского университета, Г. Кельзен далеко еще не великий человек, но судьба этого прославленного буржуазным ученым миром государствоведа несомненно парадоксальна. Среди буржуазных ученых Г. Кельзен представляет собой монументальную фигуру, своего рода «гиганта» буржуазной юридической мысли. Не мало имеет он почитателей его юридической премудрости и не даром его с торжественным воодушевлением встречают на конгрессах буржуазных государствоведов. Он глава «школы» нормативистов, имеющий, уже приобретших популярность, солидных учеников. Однако ближайшее ознакомление с объемистыми трудами знаменитого профессора неизбежно повлечет нас к вопросу о том, что же собственно представляет собой учение его, в чем значимость его теории, сделавшей имя ее творца, можно сказать, всемирно известным? Ведь при ближайшем рассмотрении не только с точки зрения революционного марксизма, но и с точки зрения всякого объективного мыслителя или исследователя, эта теория представляется не только мало убедительной или несостоятельной, но и просто абсурдной. Тем не менее эта теория, теория, полная противоречий, как уже было сказано, создала своему автору большую популярность и почти повсеместное признание.

И разве не парадоксально уже одно то, что при всей своей абсурдности и, с точки зрения действительно научного анализа, совершенной ничтожности эта теория пользуется большим распространением среди буржуазных юристов и занимает почти доминирующее положение. Парадокс этот разрешается достаточно легко при выяснении социально-идеологической сущности и политических предпосылок данной теории. Едва ли нужно напоминать то бесспорное положение, что всякие теоретические конструкции формируются в прямой зависимости от тех объективных, социально-политических условий, под влиянием которых складывается мировоззрение данного ученого. Естественно, что и теория Кельзена является не чем иным, как определенным рода отражением той социально-политической ситуации, воздействием которой неизбежно подчинен всякий буржуазный исследователь. Еще Белинский, а за ним Чернышевский указывали на связь науки с действительностью и подчеркивали, что всякое творчество является лишь более или менее удачным отражением действительности. Эта действительность и определила как форму, так и содержание теоретического построения Кельзена. Этим определяется и парадоксальность этой теории. Противоречия данной теории есть

Корнилов, Ф. Нормативизм Ганса Кельзена и проблема суверенитета / Ф. Корнилов. – Текст : непосредственный // Учёные записки Саратовского государственного имени Н. Г. Чернышевского университета. – 1929. – Том 7 (по продолж. Том 16 «Известий Сар. Ун.»), вып. 1 : факультет права и хозяйства. – С. 33-49.

Проблема права и пределы юридического мышления.

Ф. Д. Корнилов.

«Мой девиз, мой символ веры—тексты законов; печатая курс по кодексу Наполеона, я могу иметь целью только истолковать и объяснить этот кодекс»... «Я не знаю гражданского права, я преподаю только кодекс Наполеона»... так безапелляционно возвещали в свое время французские юристы, принадлежавшие к юридической школе. Этому девизу суждено было возродиться позднее на страницах советской юридической литературы, под пером одного из крупнейших, в свое время, государственных деятелей советского государства. «Я собирался в моей работе дать систему не гражданского права, а гражданского кодекса»... не менее решительно, чем французские ученые, заявляет наш отечественный ученый.

«Право, это—писанный закон. Поэтому задача юридических факультетов—учить толкованию законов»... писал позднее профессор Парижского университета. А еще позднее, директор института советского права писал, что термин «право» возможно «обнажить от окутывающего его идеалистического тумана, наполнить его реальным содержанием, придать ему то значение, какое он пока должен сохранить: значение правильной нормы, целесообразного правила»... Поэтому «говоря о необходимости вести антиправовую пропаганду, я, само собою разумеется, и в мыслях не имею поощрять к несоблюдению правил, установленных советской властью, к неподчинению тому, что мы называем советским правом».

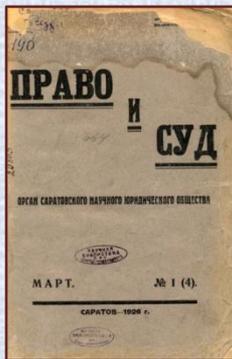
О чем свидетельствует это тождество мыслей людей, не только отделенных друг от друга во времени, но и занимающих диаметрально противоположное положение в науке по своему мировоззрению? Внимательный анализ этого вопроса дает возможность сделать из него три основных вывода, свидетельствующих о том, — насколько еще сильно владеет умами правоведа формально-юридическая точка зрения;

насколько эта точка зрения оказывается бессильной справиться с задачей разрешения правовой проблемы;

насколько опасны попытки конгломерации формально-догматической юриспруденции и материалистического понимания.

То обаяние юридического метода, которому в свое время поклонялись как французские, так и немецкие ученые, до такой степени и в наше время еще владеет умами профессионалов юристов, что многие из них совершенно не хотят ничего замечать вне сферы влияния чисто юридического метода. И если мы слышим из уст быв. директора института советского права призыв к отрицанию всего того, что не облечено в форму изданного государственной властью закона, то здесь слышны отзвуки того, что в эпоху революции 1848 г. берлинским прокурором было поименовано «Die Wertlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft». Попытка же, опираясь на юридический

Корнилов, Ф. Д. Проблема права и пределы юридического мышления / Ф. Д. Корнилов. – Текст : непосредственный // Учёные записки Саратовского государственного имени Н. Г. Чернышевского университета. – 1929. – Том 7 (по продолж. Том 16 «Известий Сар. Ун.»), вып. 1 : факультет права и хозяйства. – С. 5-31.

Гуго Гроций, как интернационалист.

(К 300-летию науки международного права).

И древний мир, и средние века не оставили нам ни одного более или менее полного систематически-цельного исследования по международному праву: античные и средневековые писатели если и затрагивали в своих сочинениях некоторые проблемы, касавшиеся отношений отдельных стран друг к другу, то делали это либо только вскользь, либо в лучшем случае специально трактовали какие-нибудь приходящие сюда **единичные** конкретные вопросы. То же надо сказать и про начало нового времени, когда монографические работы, посвященные различным сторонам международной жизни, хотя и издаются все чаще и чаще, но продолжают быть попрежнему чуждыми широкого обобщающего характера; не находим мы в этих работах *) и конструировали всей вообще совокупности международно-правовых данных как совершенно **особой** области права. И лишь с появлением в 1625 г. знаменитого произведения «О праве войны и мира» («De jure belli ac pacis» **), принадлежащего перу крупнейшего голландского ученого Гуго Гроция †), учение о взаимоотношениях государств возводится, наконец, на степень **самостоятельной** юридической дисциплины с точно определенным, отличным от прочих отраслей знания, содержанием, — именно **науки международного права**. С выходом в свет означенного Гроциева труда и закладывается, таким образом, действительно прочный фундамент этой науки, насчитывающей теперь, следовательно, три века существования.

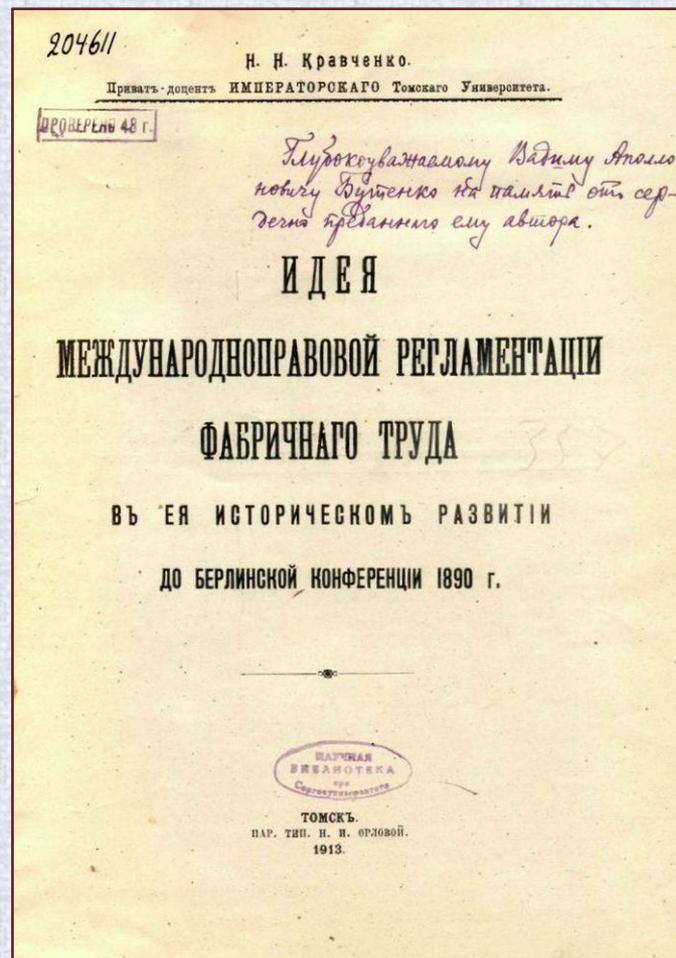
*) Об этих работах см. Калленбюва „Die Vorläufer des Hugo Grotius 1548 et ego же „Kritik des Völkerrechts“, 1947. См. также Ny „Le droit de la guerre et les précurseurs de Grotius“, 1882 и капитальный сборник под редакцией Pillet „Les fondateurs du droit international“, 1904.

**) Как и огромнейшее вообще большинство ученых сочинений XVII-го столетия, произведение это написано на латинском языке и в оригинале имеет следующее доковы-така длинное и несколько громоздкое заглавие: „De jure belli ac pacis libri tres, in quibus jus naturae et gentium item juris publici praecipua explicantur“. Выдержал еще при жизни автора ряд изданий, казенное произведение многократно затем переиздавалось вновь, комментировалось и переводилось на различные европейские языки. К сожалению, однако, русского перевода нет и до сих пор.

†) Вот важнейшие биографические сведения об этом замечательном человеке, — сведения, почерпнутые из соотв. иностранных источников, именно трудов Van Brandt, De Burigny, Luden, Butler, Caumont, Neumann, Pradier-Fodéré и др.

Гуго Гроций (по-голландски Huigh de Groot) родился 10 апреля 1583 г. в голландском городе Дельфте, где отец его состоял бургомистром. Богато одаренный от природы, он в самом раннем возрасте проявил уже необычайные умственные способности, так что еще мальком был прозван „истинным чудом Голландии“. По окончании Лейденского Университета, куда он поступил всего лишь 13 лет, Гроций, несмотря на крайнюю молодость, принимает участие в отправленном во Францию посольстве. Возвратившись на родину и поселившись в Гааге, он посвящает себя первоначально адвокатуре, но вскоре (в первом своем 24 лет) получает высшее гражданское образование в Голландии и генеральского адвоката — защитника государственных интересов казны. Служебные обязанности не мешали, однако, ему с увлечением отдаваться и науке, причем

Кравченко, Н. Н. Гуго Гроций, как интернационалист : (к 300-летию науки международного права) / Н. Н. Кравченко. — Текст : непосредственный // Право и Суд : орган Саратовского научного юридического общества. — 1926. — № 1(4) : Март. — С. 56-61.

204611
Кравченко, Н. Н. Идея международно-правовой регламентации фабричного труда в ее историческом развитии до Берлинской конференции 1890 г. / Н. Н. Кравченко. — Томск : Пар. Тип. Н. И. Орловой, 1913. — 272, [2] с. — Текст : непосредственный.

Об основных началах консульского права применительно к Советской России.

Проф. Н. Н. Кравченко.

I.

На ряду с существованием международно правовых положений, являющихся общепризнанными и потому имеющими силу в пределах всего вообще цивилизованного мира, есть и такие положения, которые регламентируют ту или иную область взаимоотношений всего лишь двух или нескольких стран между собою. В этом втором случае с полным основанием можно говорить уже не об общих принципах и установлениях международного права, а о юридических нормах, действующих в определенной сфере международных отношений только применительно к известным конкретным государствам. Самое бытие подобного рода норм (по своей природе, несомненно, также международно-правовых, хотя-бы, в смысле их чисто пространственного распространения, и гораздо менее значительных), встречаясь постоянно и в прошлом ¹⁾, особенно настоятельно вызывается, конечно, условиями современной международной жизни. Действительно, ведь если и среди народов, обладающих весьма схожим (по крайней мере в главном) политико-хозяйственным укладом, далеко не всегда оказывается налицо все то необходимое, что благоприятствовало бы построению между всеми ими их взаимных связей ²⁾ на совершенно аналогичных международно-правовых данных ³⁾, то, со вступлением в международное общение после-революционной России ⁴⁾, дело неминуемо должно было принять такой оборот, когда подобных «благоприятствующих» моментов обнаруживается, естественно, еще меньше: покоящиеся на капиталистических устоях западно-европейские державы — с одной стороны, а, с другой стороны, Союзная Республика Советов — два мира слишком различные, чтобы, при неизбежности диктуемых экономической ⁵⁾ сношений обоих названных миров друг с другом, не выработался бы постепенно целый комплекс международно-правовых начал на предмет урегулирования отдельных вопросов, касающихся означенных сношений. Один из этих начал — всецело при этом продукт заключенных советской властью с иностранными государствами между-

¹⁾ Что, очевидно, и дало, между прочим, повод некоторым интернационалистам, как, напр., бывшему Киевскому профессору О. О. Эйхельману, употреблять такие, несколько странные, выражения, как «международное право *такой-то* государства». («Хрестоматия русского международного права» — так прямо и охватывало даже одно из весьма распространенных в свое время учебных пособий, принадлежавших перу упомянутого профессора).

²⁾ Имея в виду связи и юридические, и экономические, и обще-культурные.

³⁾ Отсюда-то и получается тот общезвестный факт, что *дипломатические* международные соглашения, создающие юридически-обязательные положения по тому или другому вопросу лишь между двумя государствами, всегда являлись и являются на практике решительно господствующим типом международных договоров.

⁴⁾ Я тем более еще в связи со все растущим числом международных «признаний» Советской России.

⁵⁾ И, прежде всего, насущнейшими потребностями капиталистической конкуренции иностранных государств, всячески стремящихся так или иначе обогнать себе места на рынках С. С. С. Р.

Кравченко, Н. Н. Об основных началах консульского права применительно к Советской России / Н. Н. Кравченко. — Текст : непосредственный // Ученые записки Саратовского государственного имени Н. Г. Чернышевского университета. — 1925. — Том 3 (по продолж. Том 12 «Известий Сар. Ун.»), вып. 4 : факультет хозяйства и права. — С. 218-224.

По поводу советского консульского устава

(К годовщине издания консульского устава СССР).

Проф. Н. Н. Кравченко.

I.

Впервые русские консулы появились за границей не раньше начала XVIII в. ¹⁾, первый же консульский устав издается у нас значительно позднее — только в 1820 г. и до этого времени тогдашнее правительство регламентировало деятельность своих консульских агентов лишь отдельными «инструкциями», носившими притом даже не общий, а по преимуществу, чисто персональный характер (в качестве классического образчика такой именно персональной инструкции можно указать на соответств. документ, который был, например, снабжен в 1723 г. Яков Еврейнов, получивший назначение в Кадикс, один из крупнейших портовых городов Испании).

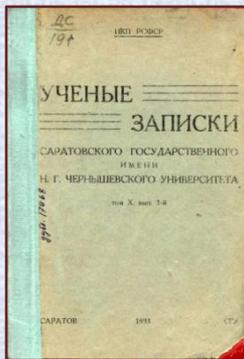
Консульский устав 1820 г., обусловленный потребностью в более точном нормировании юридического положения всех вообще официальных представителей государства (особенно ощутительное стабильно обнаруживать себя данная потребность в связи с поступательным развитием внешней торговли и усилением международного общения после конгрессов Венского 1815 г. и Ахенского 1818 г.), хотя и выработывался в течение нескольких лет, вышел, однако, на деле весьма мало удовлетворительным, что, впрочем, и неудивительно: будучи в существеннейших чертах заимствован из французского «*Ordonnance de la marine*» Людовика XIV, устав этот оказался, естественно, далеким от реальных нужд России той эпохи. И тем не менее, действовать ему, при всем его несовершенстве, пришлось довольно долго, наконец, в 1858 г. у нас опубликовывается новый консульский устав, включенный затем во 2-ую часть XI-го тома «Свода Законов Российской Империи». Этот новый устав с некоторыми изменениями и дополнениями в последующих его изданиях 1887, 1893 и 1903 г.г. и сохранял силу вплоть до октябрьской революции, когда был отменен постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР от 18-го октября 1918 г. ²⁾.

Главнейшее новшество, внесенное в устав 1858 г. тремя указанными переизданиями, сводилась к тому, что в каждом из означенных

¹⁾ О причинах, вызвавших самое возникновение нашего консульского института, а равно и о первичной организации этого института см. обширное исследование В. Улицкого «Русские консульства за границей в XVIII в. Часть I—II. М. 1899 г. и его же очерк в «Сборнике Московского Главного Архива Мин. Иностр. Дел.» за 1893 г., вып. 5. [Не мало интересных замечаний, относящихся к вопросу зарождения у нас консульского представительства, содержат в себе известные сочинения Семенова — «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле» и Милкова — «Государственное хозяйство России в связи с реформой Петра В.». См. также любопытную статью W. Stieda — «Peter der Grosse, als Moskauherr». [Russ. Revue 1874, Heft 3].

²⁾ См. «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства» 29 октября 1918 г., № 78, ст. 823.

Кравченко, Н. Н. По поводу советского консульского устава (к годовщине издания консульского устава СССР) / Н. Н. Кравченко. — Текст : непосредственный // Ученые записки Саратовского государственного имени Н. Г. Чернышевского университета. — 1927. — Том 6 (по продолж. Том 14 «Известий Сар. Ун.»), вып. 4 : факультет права и хозяйства. — С. 141-148.

Проф. Рамзаев, Д. А.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ РСФСР И ИХ НОВЕЙШИЕ ЗАДАЧИ.

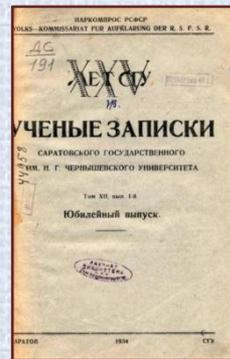
Государственные университеты, их задачи и университетское образование в РСФСР имеют свою историю, обусловленную самим ходом нашей революции и социалистического строительства.

Октябрьская революция, несмотря на ее стремительный и грандиозный размах, все же не могла на первом своем этапе, захватить и университеты. Поэтому после захвата власти пролетариатом, установления своей диктатуры и разрешения всех основных социально-политических и экономических вопросов, университеты становились значительное время существовать в прежней форме, университетский устав, изданный черносотенным правительством Александра III в 1884 году, продолжал действовать до Октябрьской революции. Хотя в 1905 году либеральная профессура и студенчество и добились кой-какой кучей и бледной университетской „автономии“, да и эту университетскую „автономию“ позднее царский министр просвещения черносотенец Кассо решил отменить.

После Октябрьской революции и реакционная и либеральная профессура государственных университетов решили ухватиться за эту „автономию“ с тем, чтобы отгородиться от нежелательных большевиков и ничего не иметь с ними общего. И действительно, первые годы революции в университетах многие контрреволюционно-настроенные профессора, приват-доценты, ассистенты и проч. ашли себе убежище для того, чтобы заниматься „чистой наукой“ и ждать ухода большевизма. В 1922 году Совнаркомом РСФСР издается „Положение о высших учебных заведениях“, которым наносится сильный удар старым традициям в университетах. В этот момент в университетах начался сильный поток пролетарского студенчества со значительной прослойкой участников гражданской войны. Это студенчество стало предъявлять свои требования к профессуре, вытекающие из генеральной линии партии. В университетах начинает развиваться марксизм и ленинизм. Начинает обостряться классовая борьба на идеологическом фронте. Университетские стены кафедры, кабинеты делаются ареной борьбы между марксизмом-ленинизмом и буржуазно-реакционным философским направлениям.

В 1925 году издается дополнение к „Положению о высших учебных заведениях“ и структура университетов к этому времени

Рамзаев, Д. А. Государственные университеты РСФСР и их новейшие задачи / Д. А. Рамзаев. – Текст : непосредственный // Учёные записки Саратовского государственного имени Н. Г. Чернышевского университета. – 1934. – Том 10, вып. 1. – С. 5-11.

Проф. Д. А. Рамзаев.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИТОГИ ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ О ГОСУДАРСТВЕ И ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА.

(К 10-й годовщине смерти В. И. Ленина,
январь 1924—1934 гг.)

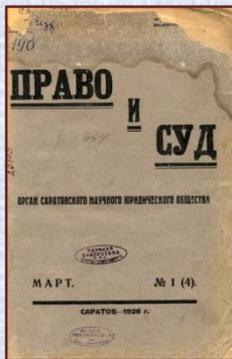
Введение.

После смерти Ленина рабочий класс СССР немедленно выдвинул лозунг: „Ленин умер, но ленинизм жив, да здравствует ленинизм“. С тех пор этот лозунг стал беспредельно популярен среди многомиллионных трудящихся масс всего земного шара. Его знают и постоянно повторяют рабочие Америки, Германии и Англии, разоренные мировым кризисом мелкие фермеры и парцеллярные крестьяне Франции, Венгрии и Балкан, голодающие крестьяне Японии и Китая, доведенные до истощения и голода колониальные рабочие Индии и других колоний, китайские кули, школьники, революционно настроенное передовое студенчество и лучшие прогрессивные слои трудовой интеллигенции всего мира. И это не случайно. Это объясняется тем, что ленинизм сделался политическим достоянием лучшей передовой и самой основной части населения всего мира. И не случайно был выдвинут этот лозунг рабочим классом СССР немедленно после смерти Владимира Ильича Ленина. Это был исторический ответ рабочих и трудящихся крестьян, строящих социализм под руководством коммунистической партии, на смерть своего любимого вождя.

Содержание этого лозунга заключалось в том, что рабочий класс потерял своего вождя, но в ответ на эту потерю он крепко и навсегда вооружился его учением для руководства в деле построения социализма-коммунизма во всем мире. Ленинское учение есть наивысшее орудие в руках пролетариата, ибо „ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности“ (Сталин „Вопросы ленинизма“). В этом и заключается значение теоретического наследия Ленина для пролетариата всего мира и особенно для рабочего класса СССР, строящего социалистическое общество под руководством своей партии, возглавляемой ее ленинским Центральным комитетом.

103

Рамзаев, Д. А. Исторические итоги ленинской теории о государстве и диктатуре пролетариата : (к 10-й годовщине смерти В. И. Ленина, январь 1924—1934 гг. / Д. А. Рамзаев. – Текст : непосредственный // Учёные записки Саратовского государственного имени Н. Г. Чернышевского университета. – 1934. – Том 11, вып. 1. – С. 103-139.

Общественное мнение в уголовном правосудии.

Одной из важных проблем в науке уголовного права, беспokoйно тревожившей занимавших в течение времени существования этой науки умы юристов, криминалистов, социологов и философов, была проблема ответственности лица за совершенное им преступное деяние.

Над этой проблемой работали кабинетные ученые, оперируя частью материалами, добытыми из других наук, связанных с наукой уголовного права, частью с данными, добытыми путем наблюдения общественных явлений. Не в меньшей мере приходится работать на ней и законодателям при разработке уголовного закона, т. е. перед ним уже фигурируют не отвлеченные данные, а конкретная жизнь; экономика, быт данного народа, государственный строй и вытекающие отсюда социальные отношения людей.

Но куда сложнее задача, когда эту социальную проблему надлежит разрешить окончательно, т. е. применить и воплотить в жизнь. Такая задача лежит несомненно и только на судье. Только последний по роду своей деятельности обязан разрешить эту сложную проблему, применяя ее к каждому конкретному случаю.

Когда кабинетный ученый, при изыскании средств для социальной гигиены, оперирует с данными, добытыми наукой, то часто он бывает весьма далек от живой деятельности. Также и законодатель при разработке уголовного закона находится на почитительном расстоянии от реальной жизни с ее многочисленными проявлениями и последними требованиями. Но совсем в иной обстановке находится судья, который должен сталкиваться, при отправлении социальных функций, с конкретным случаем и реальной жизнью. Судья является проводником и правовых принципов, исходящих из кабинетов ученых, и законодательных норм, исходящих от Верховного органа в государстве.

Последнему очень часто приходится прибегать к гибкому маневру для того, чтобы применить уголовный закон к каждому конкретному случаю. Отправляя одну из важнейших государственных и общественных функций — «уголовное правосудие», судья при всяком конкретном случае сталкивается со следующими данными: во-первых, перед ним реальная личность, член общества, со всеми признаками и свойствами, присущими человеку, антропологическими, психическими и социальной среды, в которой данный индивидуум вырос, и обстановки, породившей причину и повод к тому, что данная личность оказалась преступником. Во-вторых, данные, добытые судебным следствием, то социальное деяние, которое совершено личностью, и материальный ущерб или вред, нанесенный обществу, государству или отдельной личности преступным деянием. В-третьих, перед судьей уголовный закон и карательные санкции статей, предусматривающих данное преступное деяние. И наконец, в-четвертых, это — общественное мнение. Этот элемент в уголовном правосудии является очень важным, и игнорировать его при отправлении уголовного правосудия судья ни в каком случае не может.

Рамзаев, Д. А. Общественное мнение в уголовном правосудии / Д. А. Рамзаев. — Текст : непосредственный // Право и Суд : орган Саратовского научного юридического общества. — 1926. — № 1(4) : Март. — С. 40-45.

Чем был вызван новый проект кодекса законов о браке, семье и опеке.

На девятом году своего существования Советская власть приступила к практическому осуществлению двух лозунгов, выдвинутых Лениным: 1) Социализм не может ввести меньшинство, его могут ввести десятки миллионов трудящихся; 2) каждая кухарка должна уметь управлять государством.

В осуществлении первого лозунга в условиях Советской демократии, демократии трудящихся, задача разрешается проще, так как прогрессе общественности в широких слоях трудящихся несомненно наблюдается, о чем нам показали последние переборы Советов. Мы видели, как происходили переборы, и можем констатировать участие громадного количества в них населения. Мы можем также свидетельствовать и о значительном, наблюдаемом за последнее время оживлении деятельности Советов.

Что же касается второго лозунга, то здесь пока от оптимизма, очевидно, придется отказаться, потому что женщины на 90%, если не больше, остались по-прежнему домашней рабыней. На такое явление Советская власть смотрит равнодушно ни в каком случае не может. Советская власть изыскивает средства, и средства должны быть найдены для того, чтобы разрушить эту многовековую рутину. При зарождении капиталистического общества женщина нужна была, как собственность, и мудрые законодатели диктовали юридические нормы для ее закрепления. Ярким примером могут служить новеллы Византийского императора Льва мудрого, Русские Домострой, а также и Кодекс Наполеона, этот законодательный памятник новейшей истории, и целый ряд других законов, которые ставят женщину в положение белой рабыни. В противоположность этому Советское законодательство должно найти такие пути, которые бы ввели женщину к полнейшему освобождению. Маркс в своей «Критике Готтески программы» сказал, что между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционных преобразований одного в другое. Вот в продолжение такого периода преобразования, общественный Status женщины и должен и корню измениться.

Полная свобода брачных взаимоотношений может быть только после того, как уничтожение капиталистического производства устранил экономические соображения; тогда не останется другого мотива к заключению брака, кроме взаимной склонности.

Уничтожив капиталистический строй, Советская власть с первых дней своего существования приступила к изменению брачных и семейных отношений. В 1917 году был издан первый законодательный акт, регулирующий брачные и семейные взаимоотношения, — Кодекс законов об актах гражданского состояния.

В 1919 году Ленин на конференции Московских работниц сказал: «Советской властью в законодательстве, касающемся женщин, произведен решительный переворот. Тех законов, которые ставили женщину в подчинение, камня на камне не осталось». Однако после издания пер-

Рамзаев, Д. А. Чем был вызван новый проект кодекса законов о браке, семье и опеке / Д. А. Рамзаев. — Текст : непосредственный // Право и Суд : орган Саратовского научного юридического общества. — 1926. — № 1(4) : Март. — С. 7-8.

Права и функции сторон по Уголовно-Процессуальному Кодексу РСФСР.

В. С. Ундревич.

I.

Тот или иной объем прав сторон в процессе, самое наличие таковых, зависит преимущественно от того, насколько глубоко в строение данного процесса проникают принципы так наз. состязательного процесса.

Состязательный процесс является типичной формой буржуазного процесса. Недаром один из процессуалистов¹⁾ должен был признать, что „состязательное начало составляет душу (курсив наш) современных, как гражданского, так и уголовного процессов“.

Классик теории русского дореволюционного процесса²⁾ Фойницкий считает, что „существенными признаками состязательного процесса являются: 1) наличие в процессе сторон, стоящих отдельно от суда и пользующихся правами участия в деле; 2) равноправность сторон; 3) освобождение суда от процессуальных функций стороны“³⁾. А наиболее современный русский представитель теории буржуазного процесса Розин определяет содержание принципа состязательности следующим образом: „Завлечение сторонами суда правового притязания служит необходимым условием, предположением процесса... Оно является первоначальным толчком для возникновения и движения процессуального отношения... Суд... является пассивным его (т. е. процесса—прим. наше) элементом, возникновение процессуального отношения происходит помимо его инициативы, и в осуществление сторонами их процессуальных функций суд не вмешивается,—на нем лежит только обязанность вынести решение по предмету правового спора сторон. В этом широком виде, при общем условии отграничения функций сторон от функций суда, процесс носит наименование состязательного процесса“⁴⁾.

Таким образом, основными принципами состязательного процесса, в его наиболее развернутой форме, являются: а) наличие в процессе сторон, как субъектов процессуального отношения, функционирующих раздельно от суда, б) зависимость возникновения, развития и прекращения процессуального отношения исключительно от воли сторон, и в) сохранение за судом лишь обязанности вынести решение по делу. В этой чистой форме принцип состязательности иногда получает наименование принципа диспозитивности, под которым понимается определение масштаба судебного исследования, в смысле полноты доказательств по делу и течения самого процесса, исключительно намерениями и действиями сторон.

1) Случевский. Учебник русского угол. процесса, изд. 4-е, стр. 65.

2) Не забудем, что русский дореволюционный процесс был буржуазным процессом, недаром он считался одним из наиболее либеральных институтов царской России—ср. Покровский, Русская история, изд. 3-е, том IV, стр. 119—122.

3) Фойницкий. Курс уголовного судопроизводства, изд. 3-е, т. I, стр. 64.

4) Розин. Уголовное судопроизводство, изд. 2-е, стр. 22.

Ундревич, В. С. *Права и функции сторон по Уголовно-Процессуальному Кодексу РСФСР* / В. С. Ундревич. — Текст : непосредственный // *Учёные записки Саратовского государственного имени Н. Г. Чернышевского университета*. — 1926. — Том 5 (по продолж. Том 14 «Известий Сар. Ун.»), вып. 3 : факультет хозяйства и права. — С. 47-122.

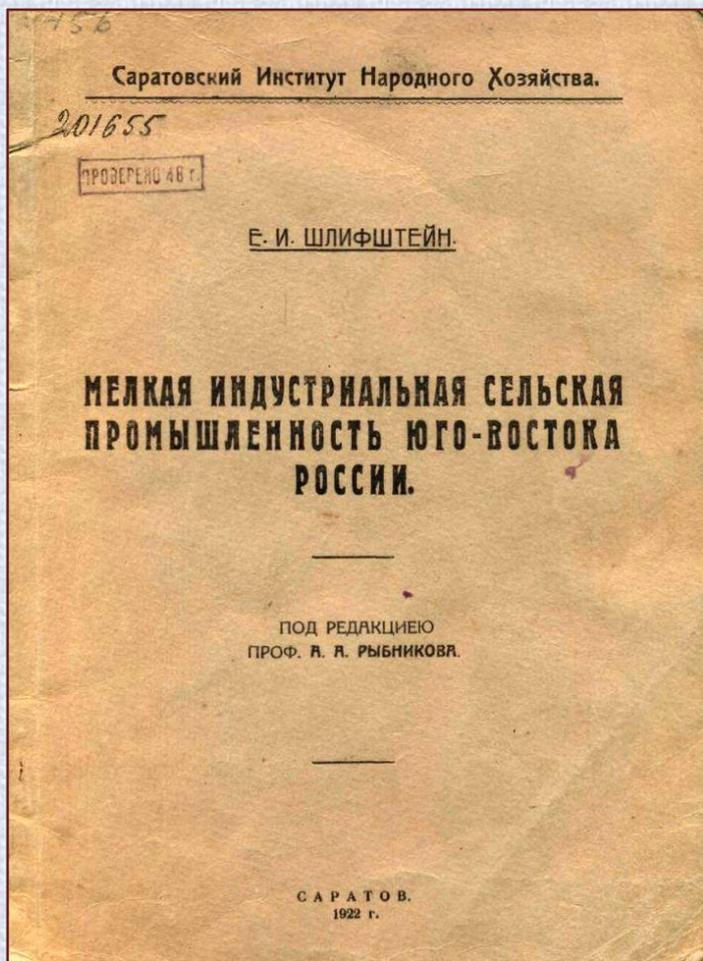
К вопросу о догматическом методе в теории применения права.

Проф. Н. Н. Фиолетов.

Проблема „применения права“ является одной из самых острых и жизненных проблем не только практики, но и теории права. В этом вопросе особенно ярко и наглядно обнаруживаются те неразрывные нити, которые соединяют проблемы общей теории права с самой гуще конкретной правовой жизни, с самыми настоятельными вопросами юридической практики. Между тем, если на Западе эта проблема в своей общетеоретической постановке имеет и свою историю и богатую литературу, возросшую в особенности в связи с движением „школы свободного права“, то в том „литературном наследстве“, которое оставила нам русская теория права, мы находим лишь несколько статей и заметок в юридических журналах и общих замечаний в курсах и монографиях¹⁾. Даже не во всех курсах общей теории права мы найдем главу о „применении права“. Вопросы „применения права“ трактуются в нашей юридической литературе, по большей части, не в этой принципиальной и методологической их постановке, а лишь как вопросы „техники права“, даже скорее „техники толкования законов“. Самое понятие теории „применения права“ и „теории толкования законов“ обычно мало разграничиваются между собой. В такой форме вопросы применения права рассматривались у нас юристами догматиками. Так ставятся они и в имеющихся в русской юридической литературе специальных пособиях по „теории толкования законов“ Е. В. Васильевского „Учение о толковании и применении гражданских законов“ (Одесса, 1901), „Руководство к толкованию и применению законов“ того же автора (1913 г.), „Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса“ проф. Люблинского П. И. (Петроград, 1917 г.), а также отчасти в „Общей теории права“ Г. ф. Шершеневича, IV часть которой в большей половине посвящена теории толкования законов. При ближайшем анализе легко обнаружить однако, что в этой „технической“ трактовке вопросов применения права содержится определенные обще-теоретические и методические предпосылки, те предпосылки, которые характерны вообще для классической традиционной теории толкования законов, вытекающей в свою очередь из традиционной догматической юриспруденции. Традиционное понимание сущности, роли, границ и задач „догматического метода“, метода так долго почти исключительно господствовавшего в правоповедении и рассматривавшегося как специфически юридический, — лежит в основе указанных выше работ (в особенности Васильевского), как и вообще традиционной теории применения права. Вопрос о догматическом методе и его границах естественно связывается, таким образом, с проблемой применения права в ее общетеоретической по-

1) Васильевский. Учение о толковании и применении гражданских законов 1899, его же; Руководство к толкованию и применению законов 1913 Люблинский: Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса 1917 Шершеневич: „Общая теория права“ ч. IV Греслескул: К учению о применении права и пр.

Фиолетов, Н. Н. *К вопросу о догматическом методе в теории применения права* / Н. Н. Фиолетов. — Текст : непосредственный // *Учёные записки государственного Саратовского имени Н. Г. Чернышевского университета*. — 1924. — Том 2 (по продолж. Том 11 «Известий Сар. Ун.»), вып. 4 : факультет хозяйства и права. — С. 32-59.

201655

Шлифштейн, Е. И. Мелкая индустриальная сельская промышленность Юго-Востока России / Е. И. Шлифштейн ; под редакцией А. А. Рыбникова. – Саратов : Губполиграфотдел 9-е отд., 1922. – 47 с. + [1] вкл. л. карт. – Текст : непосредственный.

201660

Шлифштейн, Е. И. Мелкая промышленность Саратовской губернии : статистико-экономический очерк / Е. И. Шлифштейн. – Издание Саратовского Губсовнархоза. – Саратов : Сарполиграфпром. Типо-литография № 9, 1923. – 228 с. : табл. – Текст : непосредственный.

Мелкая сапоговаляльная промышленность в С.С.С.Р.

Е. И. Шлифштейн.

ГЛАВА I.

Возникновение и эволюция мелкой сапоговаляльной промышленности.

Время возникновения шерстобито-валяльного промысла—одного из стариннейших промыслов крестьянской нечерноземной России, теряется в дали времен.

Уже в X-ом веке, судя по литературным указаниям, русские изготовляли полсти или войлоки, употреблявшиеся ими в шатрах во время походов, а также в качестве подседельников ¹⁾, позже в XI-ом веке в стенах киево-печерского монастыря иноками валялись из шерсти клобуки, часть которых поступала даже в продажу в город ²⁾; путешественник XIII-го века по России также отмечает, что русские носят очень высокие остроконечные войлочные шапки ³⁾. Есть основание, кроме того, полагать, что войлочные шапки были вообще весьма распространенным в старину на Руси головным убором среди массы низших слоев населения ⁴⁾.

Всеми этими указаниями устанавливается, очевидно, тот факт, что валяльное искусство было известно славянам на весьма ранней степени их исторической жизни; при чем в силу сказанного выше, не исключена и возможность, что эти навыки по валянию, подобно другим промышленным навыкам, зародились и вышли из стен монастырей.

Как и многие другие старинные промысла, шерстобито-валяльный промысел имеет своим началом домашнее производство, когда все несложные потребности семьи удовлетворялись в пределах и силах этой родственной производительно-потребительской ячейки ⁵⁾. Домашнее производство, и даже в области изготовления валеных сапог, отмечено, между прочим, и для самого последнего времени ⁶⁾. В процессе хозяйственной дифференциации населения и изменения социально-экономических форм жизни шерстобито-валяние, как и другие отрасли домашнего хозяйства, постепенно превращалось в промышленное занятие расставившегося крестьянского земледельческого населения.

В отношении интересующего нас шерстобито-валяльного промысла есть, помимо сказанного выше, полное основание полагать, что одна из его ветвей, именно войлочное производство, было весьма распространенным промышленным занятием уже в XVI и в особенности в XVII-ом столетии. Во второй половине XVI столетия войлочников (полствалов) находим в Туле, Можайске, Серпухове, а в XVII-м стол.— в Москве, Калуге, Козельске, Торжке и вообще в славившемся хоро-

¹⁾ Н. Аристов.—Промышленность древней Руси. СПб. 1866 г. стр. 143.

²⁾ Там-же.

³⁾ Рубрук.—Перевод Маленина. СПб. 1911 г. Стр. 88.

⁴⁾ П. Савазитов.—Описание старин. русской утвари. СПб. 1865 г. Стр. 302.

⁵⁾ Куст. промыслы Ярославской губ. Вып. XIV-й 1904 г. Стр. 329.

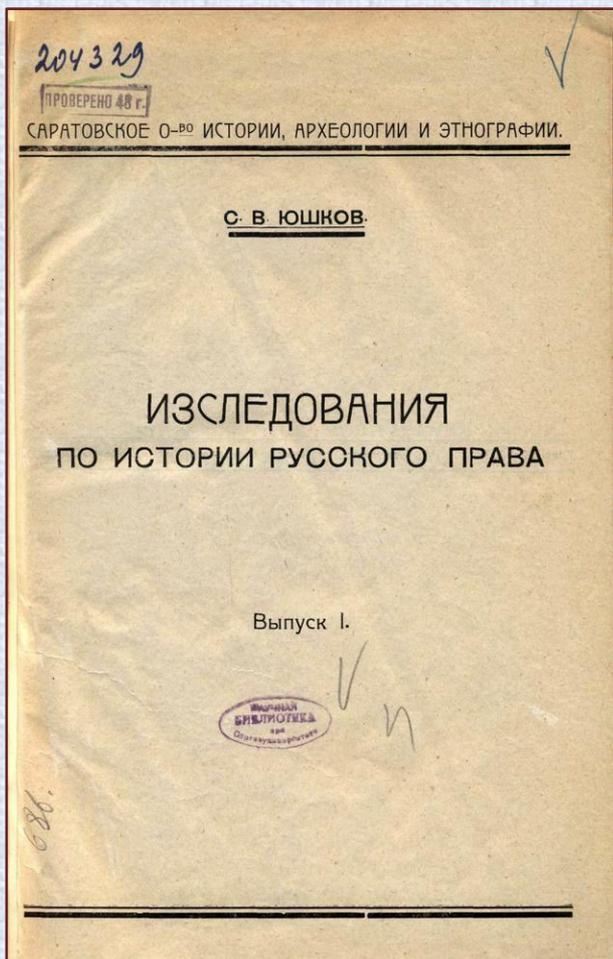
⁶⁾ Обследование куст. промышленности Липецкого уезда 1912 г. Стр. 6.

Шлифштейн, Е. И. Мелкая сапоговаляльная промышленность в С. С. С. Р. : (опыт статистико-экономического исследования организации и эволюции форм мелкой промышленности) / Е. И. Шлифштейн. — Текст : непосредственный // Учёные записки Саратовского государственного имени Н. Г. Чернышевского университета. — 1925. — Том 3 (по продолж. Том 12 «Известий Сар. Ун.»), вып. 4 : факультет хозяйства и права. — С. 109-217 : табл.

147315

Шлифштейн, Е. И. Мелкая сапоговаляльная промышленность в С. С. С. Р. : опыт статистико-экономического исследования организации и эволюции форм мелкой промышленности / Е. И. Шлифштейн. — Саратов : Сарполиграфпром. Типо-литография № 9, 1925. — 109 с. — Отдельные оттиски из журнала «Учёные Записки» Саратовского Государственного Университета, вып. IV, 1924 г. — Имеется электронная версия : http://library.sgu.ru/cgi-bin/irbis64r_plus/cgiirbis_64_ft.exe?S21COLORTERMS=0&LNG=&Z21ID=GUEST&I21DBN=ELBIB_FULLTEXT&P21DBN=ELBIB&S21STN=1&S21REF=10&S21FMT=briefHTML_ft&S21CNR=5&C21COM=S&S21ALL=%3C.%3EI=338%3A685%2E34%28470%29%2F%D0%A8%20695%2D499980%3C.%3E&US21ALL=1 (дата обращения: 16.06.2022). — Текст : непосредственный.

204329

Юшков, С. В. *Исследования по истории русского права. Выпуск 1. Устав кн. Владимира : (историко-юридическое исследование) / С. В. Юшков ; Саратовское общество истории, археологии и этнографии. – Новоузенск : Типография Комбината, [1926] – 151 с. – Текст : непосредственный.*

К вопросу о смердах.

I.

§ 1. Пересмотр вопроса о смердах, одного из самых трудных и запутанных вопросов древне-русского сельского населения, которому, по признанию одного из новейших историков ¹⁾ древней Руси, в виду непреодолимых трудностей, суждено остаться неразрешенным надолго, если не на всегда, обусловлен осознанием крайней важности этой темы с одной стороны и попыткой привлечь к разрешению этого вопроса ряд таких моментов, на которых не было обращено внимания в русской исторической науке.

Обстоятельства времени и места не позволяют затронуть вопрос во всей его широте. Ограничиваясь попыткой дать одно только определение понятия «смерд», мы принуждены пройти мимо целого ряда частных вопросов быта и права этого загадочного разряда сельского населения или же коснуться их только в самых общих чертах.

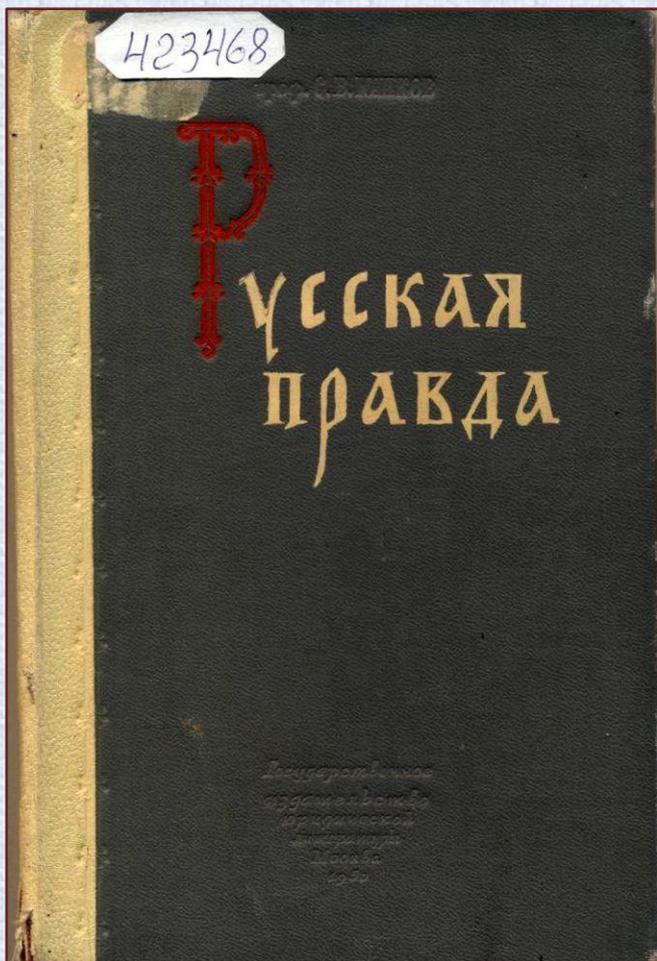
Вопрос о смердах до сих пор, как указано, представляется не выясненным. Отчасти это объясняется неполнотой и неясностью немногих дошедших до нас известий об этом загадочном разряде сельского населения: ведь кроме небольшого количества статей Р. Пр., к тому же основательно испорченных позднейшими переписчиками, мы имеем только крайне отрывочные и бессодержательные летописные свидетельства. Но такое положение вопроса о смердах объясняется не только недостатком источников сведений о смердах, но и целым рядом крупных методологических ошибок, которые сразу были допущены при его постановке в русской исторической литературе. Среди этих методологических ошибок особенно обращает на себя внимание обычное стремление заменять историко-юридический анализ даже и тех скудных сведений о смердах, которые дошли до нас, простыми, очень часто, даже грубыми гипотезами о сущности этого разряда сельского населения и, исходя из этих априорных построений, делать попытки истолкования тех или иных статей юридических памятников и летописных свидетельств с точки зрения принятой гипотезы. В результате получается логический круг; попытки выйти из этого круга ведут к еще большей методологической путанице и даже подрыву первоначальной гипотезы, из которой исходят при исследовании вопроса.

Кроме этой основной и, т. ск., общей методологической несправильности есть ряд ошибок специальных, лично присущих именно, вопросу о смердах. Среди них на первом месте стоит не высказанная

¹⁾ Преспаков, А. Е. Книжное право, стр. 287.

²⁾ Здесь излагается содержание речи на торжественном заседании Университета, от 19 декабря 1922 г. В этой речи была сделана сводка выводов из задуманной лично работы о смердах, распадающейся на ряд очерков: 1) Обзор литературных сведений о смердах; 2) Смерды право; 3) Смерды и трехдневный налог; 4) Смерды в истории русского крестьянства. В речи использовано основное содержание трех первых очерков; для большого сокращения пришлось почти только мимоходом затронуть вопрос об отнесенных смердах к князю, об особом положении смердов в Новгороде и Пскове и совершенно пропустить вопрос об отношении смердов ко всей массе сельского населения.

Юшков, С. В. *К вопросу о смердах / С. В. Юшков. – Текст : непосредственный // Ученые записки государственного Саратовского имени Н. Г. Чернышевского университета. – 1923. – Том 1 (по продолж. Том 10 «Известий С. У.»), вып. 4 : правовое отделение факультета общественных наук. – С. 46-82.*

423468

Юшков, С. В. Русская правда : происхождение, источники, её значение / С. В. Юшков. – Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1950. – 478, [2] с. – Текст : непосредственный.

Судебник 1497 года.

(К внешней истории памятника).

Вводные замечания.

Судебнику ¹⁾ 1497 г. не посчастливилось в русской исторической науке. Несмотря на то, что этот памятник представляет собой первый опыт Московской кодификации и отражает очень интересную эпоху—начало падения феодального строя и зарождение торгового капитализма, однако он не имеет литературы; ему не посвящено не только какого-либо крупного исследования, но даже мелкой журнальной заметки. Совершенно не изучена история его происхождения, не исследованы его источники, не выяснено его значение в истории русского права; ни, наконец, не дано обстоятельного комментария. Судебник 1497 г. как-то вообще потерял свое самостоятельное бытие, свою индивидуальность; он стал считаться частью вообще «Судебников», каким-то придатком более обширного, более изученного и более позднего по своему происхождению Царского Судебника.

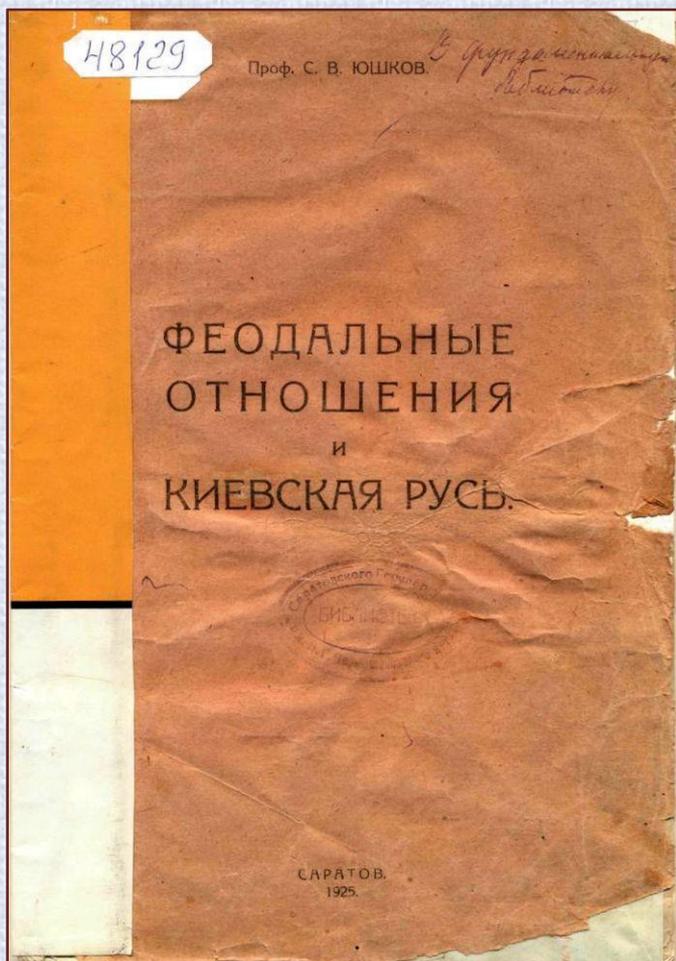
Очень часто, когда отсутствует специальная литература, посвященная какому-либо вопросу, то это свидетельствует о достаточной разработанности его в общих обзорах или учебниках. Но и этого сказать по отношению к Судебнику нельзя. И в общих обзорах и в учебниках и даже в работах, посвященных истории отдельных правовых институтов, вопрос о Суд. еле затрагивается. Чтобы все-таки получить представление об основных взглядах на Суд., имеющих в историко-юридической литературе, дадим краткий обзор литературных мнений о нем.

Наибольшим значением пользуются взгляды Владимирского-Буданова ²⁾. По его мнению, издание Суд. было вызвано тем, что, существующий к моменту его издания, законодательный материал, в виде Уст. Грр. был недостаточен для отправления суда. «Как ни однообразно было содержание Уст. Грр. в существенных чертах, между ними была значительная разница в подробностях. Центральному правительству приходилось каждый раз справляться с этими местными законами». Главным источником Суд. Владимирский-Буданов считает Уст. Грр. «Это не только основной, но почти единственный источник первой и второй части памятника, с той разницей, что относительно суд

¹⁾ Суд. первоначально считался утраченным; русская наука знала его по выдержкам, приведенным бароном Сигизмундом Герберштейном в *Regum Moscoviticarum commentarii*, изд. впервые в Вене в 1559 г. под заголовком *Ordinationes a Joanne Basilli Magno Duce, anno mendi 7006 factae*. Герберштейн в более или менее точном переводе дает 3—16 стст. Суд., опустив ст. 8. В 1817 г. он был найден и через два года был издан Калайдовичем и Стровым, вместе с Царским Суд. (Законы в. кн. Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича с дополнительными указами). Затем (в 1847 г.) Суд. был напечатан в 1-ом т. Л. И. (№ 105); в настоящее время наиболее употребительно издание Владимирского-Буданова (в 2-ой хрестоматии по истории русского права), разбившего памятник на 68 ст. и давшего подстрочный комментарий. Хотя разбивка Владимирского Буданова является несколько искусственной, но она общепринята и мы принуждены следовать ей.

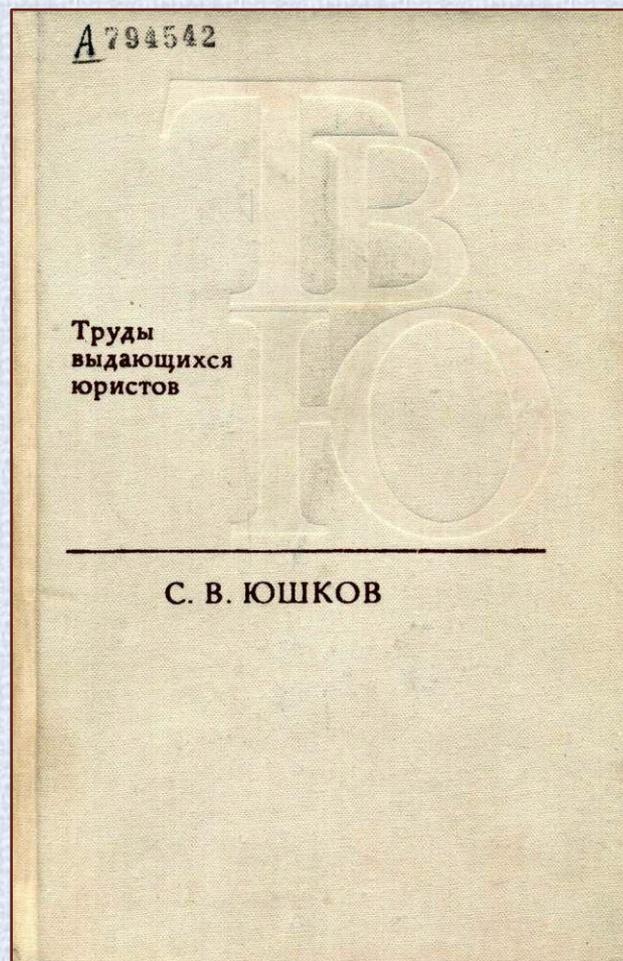
²⁾ Обзор истории русского права, изд. 3-е, 1900 г., стр. 233.

Юшков, С. В. Судебник 1497 года : (к внешней истории памятника) / С. В. Юшков. – Текст : непосредственный // Учёные записки Саратовского государственного имени Н. Г. Чернышевского университета. – 1926. – Том 5 (по продолж. Том 14 «Известий Сар. Ун.»), вып. 3 : факультет хозяйства и права. – С. 1-46.

48129

Юшков, С. В. Феодальные отношения и Киевская Русь / С. В. Юшков. – Саратов : Сарполиграфпром. Типо-литография № 9, 1925. – 108 с. – Отдельные оттиски из журнала «Учёные Записки» Саратовского Государственного Университета, вып. IV, 1924. – Текст : непосредственный.

A794542

С. В. Юшков / составители: В. М. Клеандрова, В. Г. Филимонов, С. И. Штамм. – Москва : Юридическая литература, 1989. – 462, [2] с. : ил. – (Труды выдающихся юристов / редколлегия: В. Н. Кудрявцев (председатель) [и др.]). – ISBN 5-7260-0024-2. – Текст : непосредственный.

*За представленными на выставке изданиями приглашаем
в Зональную научную библиотеку имени В. А. Артисевич СГУ
(ул. Университетская, 42)*

